Ч 69/472.

ЖИЗНЬ
КРЫЛОВА.

Шкафъ 22.
Полка 5.
№ 19
БИБЛІОТЕКА НОВО-МИХАЙЛОВСКАГО ДВОРЦА.

И 60/472

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА

КРЫЛОВА.

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА

60/472

ф1-82/838

КРЫЛОВА.

СОЧИНЕНІЕ

Академика Михаила Лобанова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.
1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Января 1-го 1847 года.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

ф10464-43

2007084509

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА

КРЫЛОВА.

—

Недавно еще жилъ посреди насъ мужъ высокихъ достоинствъ, осанистой наружности, котораго бѣлые волосы хотя и напоминали о многихъ годахъ, имъ прожитыхъ, но котораго сила, крѣпость и дородство, казалось, предвѣщали ему исключительное долголѣтіе. Для смерти нѣтъ сильныхъ: мы видимъ уже его могилу.—Миръ праху твоему, знаменитый Россіянинъ! Тебя нѣтъ, но память твоя сдѣлалась славнымъ наслѣдіемъ твоего отечества. Съ Ломоносовымъ, Державинымъ и Карамзинымъ ты перейдешь въ позднѣйшее потомство, и имя твое вседневно будетъ твердиться тысячами юныхъ, едва лепечущихъ устъ до тѣхъ-поръ, пока будетъ во вселенной существовать языкъ русскій.

Всякому изъ насъ, безъ сомнѣнія, пріятно припомнить и разсказать что-нибудь о согражданинѣ, котораго слава разнеслась по всѣмъ концамъ вселенной, гдѣ только есть хотя слабое понятіе о словесности. Не смѣю надѣяться вполнѣ изобразить его, какъ человѣка и какъ писателя; но къ повѣствованію другихъ прибавлю въ свою очередь то, что двадцати-пяти-лѣтнее сосѣдство, постоянная и искренняя пріязнь и почти вседневныя сношенія съ нимъ сдѣлали мнѣ извѣстнымъ и оставили въ моей памяти.

Иванъ Андреевичъ родился въ Москвѣ 2 февраля 1768 года, скончался въ С.-Петербургѣ 9 ноября 1844 года; жизнь его длилась 76 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 7 дней. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, служилъ штабсъ-капитаномъ въ войскѣ, поражавшемъ Пугачева; онъ отличался при защитѣ города Яицка, за что̀ и былъ Пугачевымъ заранѣе обреченъ смерти, со всѣмъ его семействомъ. Жена его слѣдовала за нимъ въ походѣ, гдѣ только возможно было, и въ 1772 году она съ дѣтьми своими, и въ томъ числѣ съ четырехлѣтнимъ Иваномъ, отправилась въ Оренбургъ, которымъ злодѣю не удалось овладѣть; но есть преданіе, что гдѣ-то дорогою она подвергалась опасности, и, при поискахъ шайки этихъ бродягъ, спасла малютку Крылова, спрятавши его въ корчагѣ. * По усмиреніи пугачевскаго бунта, это семейство переѣхало въ Тверь, гдѣ отецъ, оставившій военную службу, получилъ мѣсто предсѣдателя въ Тверскомъ губернскомъ магистратѣ, съ чиномъ коллежскаго ассессора. Тутъ, въ родительскомъ домѣ нашъ Крыловъ учился грамотѣ, а первымъ началамъ нѣкоторыхъ наукъ и языковъ въ пріязненномъ семействѣ Львова, вмѣстѣ съ его дѣтьми. Ученіе того времени, конечно, было ограниченное; тогда въ Россіи еще немного было средствъ для образованія юношества; но малютка, щедро одаренный природою, во всемъ, къ чему только прилежалъ, дѣлалъ большіе успѣхи. Къ изученію иностранныхъ языковъ, какъ увидимъ въ-послѣдствіи, онъ имѣлъ необыкновенную способность. Во французскомъ языкѣ первые уроки получилъ онъ отъ гувернера, Француза, жившаго у Тверскаго губернатора; потомъ продолжалъ учиться дома, самъ собою, подъ надзоромъ своей матери, Маріи Алексѣевны, о которой онъ всегда вспоминалъ съ любовью. «*Она была простая женщина*, говорилъ

---

* Это разсказывалъ нѣкогда одинъ изъ посѣтителей Императорской Публичной Библіотеки, Оренбургскій помѣщикъ, человѣкъ почтенный, внушавшій къ себѣ довѣренность.

онъ, *безъ всякаго образованія, но умная отъ природы и исполненная высокихъ добродѣтелей.* Отъ нея-то, кажется, онъ наслѣдовалъ умъ и прекрасныя способности; ибо отецъ его былъ храбрый, но обыкновенный человѣкъ. Онъ лишился его на 13 году своей жизни, т. е., въ *1781* году. Любопытно то, что мать его, чуждая всякаго ученія, даже грамотности, вмѣшивалась въ его упражненія, и, руководствуясь одною природною логикою, нерѣдко поправляла его ошибки. Когда онъ читалъ ей переводы, она останавливала его иногда: «Нѣтъ, Ваня, это что-то не такъ! возьми-ко ты французскій словарь, да выправься-ко хорошенько.» Онъ исполнялъ приказанія матери и дѣйствительно находилъ ошибки.

Русскія книги, частію духовныя, частію историческія, также и словари въ небольшомъ количествѣ были въ ихъ домѣ; притомъ онъ доставалъ у знакомыхъ, что только можно было достать въ Твери и, въ то время, пріохоченный благоразумною матерью еще съ дѣтства къ чтенію, то ласками, то подарками, въ-послѣдствіи, съ возрастомъ, онъ пристрастился къ этому занятію и съ жадностію читалъ все, что ни попадалось ему въ руки.

На 14 году отъ роду (1781 года), онъ поступилъ на службу въ Колязинскій уѣздный судъ; потомъ служилъ въ Тверскомъ губернскомъ магистратѣ. Переведенъ въ С.-Петербургскую казенную палату (1782 г.), въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества (1788 г.)—Съ 1790 по 1801 годъ онъ находился въ отставкѣ. Въ это время, т. е., съ 22 по 32 годъ своей жизни, онъ занимался словесностію: участвовалъ въ изданіи журналовъ: 1) *Почта духовъ*, которую издавалъ вмѣстѣ съ капитаномъ Рахмановымъ въ 1789 году; 2) *Зритель*, котораго былъ редакторомъ, вмѣстѣ съ Клушинымъ и другими товарищами, въ 1792 году; 3) *С.-Петербургскій Меркурій*, въ 1793 году. Въ этомъ журналѣ напечатаны нѣкоторыя изъ его тогдашнихъ стихотвореній: оды, пѣсни и посланія. Прозаическія сочиненія его молодости, всѣ журнальныя статьи и, между ними, двѣ похвальныя рѣчи, первая: Какъ убивать время; вторая: Ермалофиду, и повѣсть Каибъ—отличаются остроуміемъ и колкостію. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ и статьяхъ сатирическій умъ Крылова осмѣивалъ пороки. Въ введеніи къ Зрителю сказано, что этотъ журналъ издается съ тою цѣлію, чтобъ порокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, плѣняла собою читателя. Патріотизмъ Крылова, вполнѣ развившійся въ послѣд-

нихъ его двухъ комедіяхъ, уже и на 24 году его жизни вездѣ рѣшительно выказывался, и русская душа его, неколебимая въ своихъ правилахъ и думахъ, не измѣнившаяся въ теченіе почти 77-лѣтней жизни ни отъ какихъ постороннихъ вліяній и прививокъ иноземныхъ, вездѣ и всегда искала пользы своему отечеству, и нѣтъ сомнѣнія, что перо его не мало содѣйствовало къ смягченію и укрощенію нравовъ. *Одну изъ моихъ повѣстей*, говорилъ мнѣ Иванъ Андреевичъ, *которую уже набирали въ типографіи, потребовала къ Себѣ Императрица Екатерина; рукопись не воротилась назадъ, да такъ и пропала.* Молодой умъ его, вѣроятно, задѣлъ колкимъ перомъ своимъ такое лице, которое Ей угодно было спасти отъ преслѣдованія сатиры.—

Въ 1801 году онъ поступилъ секретаремъ къ Рижскому военному генералъ-губернатору, князю Сергію Ѳедоровичу Голицыну, и служилъ при немъ по 1803 годъ. Опять вышелъ въ отставку, вмѣстѣ съ уволеннымъ княземъ, котораго онъ любилъ, и, проживъ у него нѣсколько времени въ Саратовскомъ его помѣстьѣ, возвратился въ Петербургъ и чрезъ пять лѣтъ, т. е., въ 1808 г., опредѣлился въ Монетный департаментъ, гдѣ А. И. Оленинъ былъ директоромъ. Въ этомъ году онъ участвовалъ въ Драматическомъ Вѣстникѣ, гдѣ были напечатаны многія изъ первыхъ его басень. И потомъ, чрезъ одинъ годъ съ не большимъ, проведенный внѣ службы, опредѣлился, въ 1812 году, въ Императорскую публичную библіотеку, изъ которой въ 1841 году вышелъ въ отставку, въ чинѣ статскаго совѣтника, съ полученіемъ всѣхъ пенсій, дарованныхъ ему, какъ знаменитому писателю, Императоромъ Александромъ I, и щедро умноженныхъ царствующимъ Государемъ Императоромъ, всего до 12,000 рублей.

Въ молодости своей, не зная еще истиннаго своего назначенія, но кипя желаніемъ выразить свои чувства и мысли, Крыловъ испытывалъ себя въ разныхъ и почти во всѣхъ родахъ словесности; но первымъ его опытомъ въ стихахъ была басня, переведенная имъ на 14 году изъ Лафонтена, которую знатоки того времени, и между прочими И. И. Бецкій, хвалили; но время истребило ее. Потомъ онъ упражнялся преимущественно въ драматическомъ родѣ.

Лѣтъ за пять передъ симъ, я предлагалъ Ивану Андреевичу напечатать тѣ изъ своихъ сочиненій, которыя онъ найдетъ достойными своего имени. *Я и самъ объ этомъ думалъ*, сказалъ онъ: *но вѣдь приняться за это—не шутка; многое, или лучше сказать—все прежнее надобно передѣлать. Я былъ молодъ, все*

писалъ, что̀ ни взбредетъ бывало въ голову; много вздору. — А вѣдь по смерти моей, можетъ быть, все напечатаютъ. *

Когда случалось повторять при немъ какую-нибудь шутку или фарсу изъ прежнихъ его комедій, онъ спрашивалъ: *откуда это? чье это?* Ваше, Иванъ Андреевичъ.—*Быть не можетъ*!—Да вотъ посмотрите, напечатано съ вашимъ именемъ.—*Я не помню ничего; это проказы молодости, это грѣхи прошлыхъ лѣтъ.*

Приступая къ исчисленію всѣхъ его сочиненій, по неволѣ долженъ я говорить и о тѣхъ его сочиненіяхъ, которыя онъ, какъ попытки, какъ проказы молодости, вѣроятно, желалъ бы истребить изъ памяти человѣческой; но, зная обязанность біографа и справедливое любопытство публики, я не смѣю умолчать о нихъ.

I. Въ 1784 году, т. е., 16-лѣтній Крыловъ написалъ оперу: *Кофейница*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ съ куплетами—которая сохранилась въ рукописи. Пріѣхавши съ своею матерью въ Петербургъ, которая умно разсчитала, что способному и даровитому ея сыну лучше быть въ столицѣ, чѣмъ въ губернскомъ городѣ, какъ въ отношеніи къ службѣ, такъ и въ отношеніи къ дальнѣйшему его образованію, онъ написалъ эту оперу, и услышавъ о типографщикѣ Брейткопфѣ, знатокѣ и любителѣ музыки, притомъ добрѣйшемъ человѣкѣ, явился къ нему съ первымъ своимъ сочиненіемъ, съ своею Кофейницею, прося положить на музыку куплеты и дать ходъ этой піесѣ. Брейткопфъ предложилъ ему за либретто 60 рублей ассигнаціями. У автора забилось отъ радости сердце: это былъ первый плодъ, первая награда за его юношескій литературный трудъ; но по страсти своей къ чтенію, онъ просилъ заплатить ему не деньгами, а книгами, и получилъ Расина, Мольера и Буало, что̀ чрезвычайно его радовало и веселило престарѣлую его мать.

Прошло около 30 лѣтъ послѣ того, и судьба свела нашего Крылова съ Брейткопфомъ, тогда статскимъ и потомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, на службѣ въ Императорской публичной библіотекѣ. Брейткопфъ, не сдѣлавшій никакого употребленія изъ піесы, возвратилъ ее автору, который не

---

* Желательно, чтобъ тѣ, которые имѣютъ право печатать сочиненія Крылова, напечатали только комедіи его: Модную лавку, Урокъ дочкамъ, басни, и нѣкоторыя мелкія стихотворенія.

безъ удовольствія взглянулъ на знакомый ему трудъ его молодости. Она не что иное, какъ дѣтское упражненіе. Вотъ ея содержаніе. Живущую въ деревнѣ вдову, помѣщицу, которая любитъ, чтобъ ее называли мамзелью, по очереди на ночь убаюкиваютъ молодые парни, разсказывая ей сказки. Одинъ изъ нихъ, Петръ, поетъ стихи:

Не одни лишъ только сказки
Этихъ барынь веселятъ...
Да сказать, такъ вѣдь и таски
Намъ за то не миновать.

Этотъ Петръ любитъ горничную Анюту и хочетъ на ней жениться; она согласна, и дѣло улаживается; но прикащикъ этой деревни, порядочный плутъ, хочетъ отбить у него невѣсту, чтобы самому на ней жениться. У помѣщицы пропадаетъ дюжина серебряныхъ ложекъ. Подозрѣніе наводятъ на Петра, потому что эта пропажа случилась въ его очередь сказывать сказки, и что онъ вышелъ послѣ всѣхъ изъ спальни помѣщицы, гдѣ онѣ лежали на столѣ. Прикащикъ уговариваетъ барыню призвать ворожею-кофейницу, которая навѣрное укажетъ вора. Ворожея, подкупленная прикащикомъ, обвиняетъ въ воровствѣ Петра, и прикащикъ настаиваетъ, чтобъ отдать его въ рекруты; тѣмъ и рѣшено. Послѣ этого ворожея требуетъ платы у прикащика, который отдаетъ ей нѣсколько серебряныхъ ложекъ, украденныхъ имъ въ спальнѣ. Въ эту минуту, барыня, прогуливавшаяся въ саду, нечаянно входитъ, и воровство открывается.

Новомодова, *(помѣщица.)*

Больше ни слова.—Это что за ложки?

Кофейница, *(испугавшись.)*

Мо...о..и, су..да..ры..ня.

Новомодова.

Какія прекрасныя.... Ба, ба, ба,! да на нихъ мое клеймо

Кофейница.

Нѣтъ, мамзель.

Новомодова.

Какъ нѣтъ? я точно вижу, и это тѣ, которыя, я думала, что Петрушка укралъ, а это не его дѣло.

Петръ.

Я вѣдь вамъ сказывалъ, барыня, что я ихъ не бирывалъ, да и въ умъ не всходила такая чепуха.

Кофейница.

Мамзель, я также, право не знаю.

Новомодова (*прикащику.*)

Слушай, плутъ, это твое дѣло!

Прикащикъ *(становясь на колѣни.)*

Виноватъ, барыня, помилуйте!

Новомодова.

О, хорошо, тотчасъ помилую; я знаю какъ вашу братью миловать. Ты еще годишься въ рекруты и замѣнишь Петрово мѣсто.

Прикащикъ.

Ахъ, не погубите!

Новомодова.

А тебя плутовку сей же часъ отошлю въ городъ, и тамъ ты за твое плутовство будешь потолѣ сидѣть въ тюрьмѣ, поколѣ не погонятъ на поселеніе.

Кофейница.

Ахъ, мамзель, сжальтеся!

Новомодова.

Нечего жалѣть, коли сами виноваты. И ложки-то у васъ не останутся жъ: сейчасъ подайте ихъ мнѣ.

Кофейница и Прикащикъ.

(Подаютъ всякъ отъ себя ложки и говорятъ вмѣстѣ). Вотъ извольте.

Новомодова.

Ну, теперь готовьтесь *(прикащику)*, ты въ рекруты, *(кофейницѣ)* а ты въ тюрьму. Гей, малой! *(входитъ слуга)*. Возьми этого плута и эту мошенницу, и вели, чтобы ихъ на заперти держать до завтрашняго дня, а завтра я съ ними отправлюсь въ городъ, а тамъ они за ихъ плутни наказаны будутъ. *(Слуга выводитъ прикащика и кофейницу.)*

Новомодова *(Петру.)*

А ты, сердечный Петръ, будь отъ сего времени прикащикомъ, и свадьбу твою съ Анютой я сыграю на свой коштъ, за претерпѣнный тобою страхъ, и деньги * также вы у меня возьмете.

Всѣ *(къ Новомодовой.)*

Покорно благодарствую, барыня!

Новомодова *(поетъ.)*

Теперь новымъ тебя чиномъ я дарю,
И сама твоей съ нимъ свадьбы посмотрю.

Всѣ *(Кромѣ Новомодовой.)*

Ну, теперь повеселимся:
Намъ не для чего тужить!
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить!

Анюта.

Скоро буду я прикащику женою,
Веселитеся, друзья мои, со мною.

Всѣ *(кромѣ Новомодовой.)*

Ну, теперь повеселимся, и пр.

Финогенъ и Афросинья, *(родители Анюты.)*

Теперь оба мы счастливы, да и дочь;
Будетъ намъ кому на старости помочь.

Всѣ *(кромѣ Новомодовой.)*

Ну, теперь повеселимся, и пр.

Новомодова.

Ну, теперь повеселитесь:
Вамъ не для чего тужить!
Другъ на дружку наглядитесь,
Вмѣстѣ будете вы жить!

Это первый опытъ въ театральномъ родѣ 16-лѣтняго мальчика, будущаго знаменитаго Крылова. Все еще слабо и незрѣло; но видно умѣніе составлять и располагать піесу.

---

* Деньги за пропавшія ложки, которыя были внесены родителями Анюты, когда въ покражѣ поклепали честнаго Петра.

II. Клеопатра, трегедія. Крыловъ, оглушенный славою Сумарокова и Княжнина, котораго Рославъ, представляемый знаменитымъ Дмитревскимъ, гремѣлъ тогда на русской сценѣ, хотѣлъ испытать себя и въ трагическомъ родѣ. Онъ написалъ Клеопатру и обратился къ Дмитревскому, чтобы поставить ее на театръ. Дмитревскій добродушно и охотно выслушалъ трагедію, разбиралъ ея содержаніе, ходъ и характеры, дѣлалъ замѣчанія на каждую сцену, излагалъ правила, и старался передать молодому автору все, что̀ самъ зналъ объ этомъ искусствѣ. Онъ хвалилъ то, что̀ находилъ въ ней хорошаго, поощрялъ автора къ новымъ трудамъ и наконецъ съ кротостію далъ почувствовать, что трагедія въ такомъ видѣ не можетъ быть представлена на театрѣ, что нужно ее совершенно пересоздать и передѣлать.—Разсказъ этотъ о чтеніи съ Дмитревскимъ Крыловъ нерѣдко повторялъ, но говорилъ всегда объ одной трагедіи, и я относилъ этотъ разсказъ къ Филомелѣ; а теперь утверждаютъ, что это была *Клеопатра*. Не отвергая ея кратковременнаго существованія, съ достовѣрностію можно заключить, что она написана между Кофейницею и Филомелою, т. е., въ 1785 году, на 17-мъ году жизни юноши.

Вѣроятно авторъ охладѣлъ къ ней, не имѣлъ духу передѣлывать, и рукопись его исчезла, какъ и многія другія, что̀ увидимъ въ-послѣдствіи.

III. Филомела, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Ивана Крылова, сочиненная въ 1786 году, напечатана въ 1793 году.

Въ молодости моей, говорилъ мнѣ въ послѣдніе свои годы Крыловъ, *я все писалъ, что̀ ни попало, была бы только бумага, да чернила; я писалъ и трагедію; она напечатана была въ Россійскомъ Ѳеатрѣ, въ одномъ томѣ съ Вадимомъ Княжнина, съ которымъ вмѣстѣ и исчезла, да и радъ тому: въ ней ничего путнаго не было; это первыя давнишнія мои попытки.*

Мнѣ посчастливилось отыскать и прочесть эту Филомелу, и если бы она написана была Крыловымъ въ зрѣлыя его лѣта, я сказалъ бы вмѣстѣ съ нимъ: въ ней ничего путнаго нѣтъ; но это одинъ изъ опытовъ 18-лѣтняго поэта, конечно весьма незрѣлый, но любопытный; видно, что онъ еще ничего болѣе не читалъ, кромѣ Сумарокова и Княжнина; форма трагедіи, языкъ—все ими отзывается. Не рожденный первенствовать въ этомъ родѣ поэзіи, онъ ничего не обнаружилъ собственнаго, а

только, увлеченный ихъ тогдашнею извѣстностію, былъ ихъ отголоскомъ. Помня слова автора, я не хотѣлъ бы разсказывать ея содержанія: но, какъ! скажетъ читатель, найти, прочесть трагедію знаменитаго Крылова вовсе неизвѣстную—и не ознакомить насъ съ нею, какова бы она ни была? Это литературная татьба! Нехотя повинуюсь; вотъ ея содержаніе:

Прогнея, царица Ѳракійская, сѣтуетъ вмѣстѣ съ Линсеемъ, влюбленнымъ въ Филомелу, ея сестру: она—объ отъѣздѣ въ Аѳины Терея, Ѳракійскаго царя, ея супруга, за любимою ею сестрою, жившею въ Аѳинахъ у своего отца, и по прошествіи года еще не возвращающихся, а онъ—о Филомелѣ, и ждутъ ихъ возвращенія. Вотъ сѣтованія Линсея:

Изъ града своего въ сей градъ я удалился,
И зрѣть сестру твою мечтой пріятной льстился;
Но боги, разлуча невинныя сердца,
Еще не дѣлаютъ напастямъ ихъ конца.
Надежда есть, но ахъ, когда она напрасна....
О небо! для меня и мысль сія ужасна.

Вотъ сѣтованія Прогнеи:

Мнѣ сердце скорбное тоска свирѣпа рветъ,
И мѣста въ сердцѣ семъ надеждѣ не даетъ....
Мнѣ представляется ревуща моря бездна....
Супругъ возлюбленный! сестра моя любезна!...
Въ какой погибели я зрю разимыхъ васъ!
Терея и тебя средь волнъ я вижу мертву...
Принесшихъ жизнь твою Прогнеѣ бѣдной въ жертву!
Вы тонете.... я васъ въ сію напасть ввела!...
Вы въ адъ нисходите, чиня мнѣ бѣдной пени!...
Остановитеся, драгія сердцу тѣни!
Безъ васъ противнымъ чтя любезный прежде градъ,
За вами я спѣшу во мрачный снити адъ...
Безъ васъ я болѣе утѣхъ не обрѣтаю....
Я тартаромъ безъ васъ вселенну почитаю!

Въ этомъ печальномъ положеніи они вопрошаютъ жреца Калханта, который предвидитъ одни ужасныя бѣдствія. Оплакиваемый Терей однако жъ возвращается, только безъ Филомелы, которую, по его словамъ, вихрь сорвалъ съ палубы корабля въ море, когда уже ихъ корабль достигалъ Ѳракійскаго берега. Но онъ солгалъ; онъ гдѣ-то скрылъ ее, и Филомела, освобожденная любезнымъ ей Линсеемъ изъ заключенія, является и объявляетъ сестрѣ своей, что Терей, пылая къ ней непозволенною страстію, выдумалъ ея смерть, чтобы, скрывши ее

въ какихъ-то развалинахъ, удобнѣе скрыть и преступныя свои намѣренія. Вотъ ея слова:

Я вижу, что меня здѣсь мертвой почитали,
И баснь сію уста Тереевы сплетали....
Но знай, что варваръ сей, презря закона гласъ,
Во мглу безчестія хотѣлъ низвергнуть насъ.

Открывается обманъ и вѣроломство Терея, который, не зная того, приходитъ утѣшить свою супругу, но находитъ у нея Филомелу. На него сыплются упреки; на него же возстаетъ и Линсей; вражда распылалась, они обнажаютъ мечи; но жрецъ Калхантъ останавливаетъ ихъ, и, удаливши Линсея, старается образумить Терея; всѣ его убѣжденія и угрозы остаются тщетными; онъ упорствуетъ въ чувственной любви къ Филомелѣ. Въ-послѣдствіи онъ говоритъ своему наперснику:

Я варваръ, я тиранъ, я извергъ мрачна ада,
Пренебрегая все, что здѣсь святаго есть,
Долгъ брата, долгъ отца, долгъ мужа, славу, честь,
Презря назначенны родствомъ любви предѣлы,
Я похититель вновь несчастной Филомелы.

И такъ онъ снова похитилъ ее и заключилъ въ древнюю башню за городскими стѣнами, уже не любовью движимый, а злобою, мщеніемъ и преступною страстью. Прогнея узнаетъ объ этомъ вторичномъ похищеніи, вбѣгаетъ въ отчаяніи, требуетъ у него сестры своей, грозитъ ему возстаніемъ и мщеніемъ народа.

Я въ жертву все предамъ свирѣпости моей,
Народу варварства я всѣ твои открою,
Слезами алтари я въ жалобахъ омою,
Стенаньемъ возмущу сердца твоихъ рабовъ,
Воздвигну на тебя и тартаръ и боговъ;
И узришь предъ собой ты гибели повсюду.
Я тысящи смертей тебѣ готовить буду
И первая пролью твою злодѣйску кровь.

Наконецъ она проситъ, умоляетъ возвратить ей одну только сестру, обѣщая забыть все прочее. Линсей въ свою очередь также употребляетъ угрозы; но Терей отвергаетъ все и оставляетъ ихъ. Калхантъ призываетъ небесное мщеніе на главу злодѣя. Вдругъ вбѣгаетъ Агаметъ съ письмомъ въ рукѣ и говоритъ:

Трепещетъ грудь моя,
Слабѣетъ голосъ мой.... возьми сіе посланье,
Оно подастъ тебѣ несчастное познанье
Невображаемыхъ свирѣпостей уму.

Это посланіе отъ Филомелы, брошенное ею съ башни! вотъ оно:

«Ты видишь кровь мою, любезная Прогнея!
Содрогнись и познай свирѣпости Терея....
Чтобы злодѣйствія свои сокрыть навѣкъ,
Сей варваръ мой языкъ въ зломъ бѣшенствѣ отсѣкъ.»

Прогнея, Линсей, Калхантъ готовятъ мщеніе тирану. Прогнея говоритъ:

Страшись, страшись, тиранъ, во злобѣ обличенный,
Отмщенья лютаго жены ожесточенной!
Мнѣ милъ свирѣпости готовимый вѣнецъ,
И родъ отмщенія мной избранъ наконецъ,
Который злость мою навѣкъ собой прославитъ!
Который трепетать и варваровъ заставитъ.

Потомъ Калхантъ извѣщаетъ:

Уже смятеніемъ весь городъ воскипѣлъ,
Готовя тысящи во грудь тиранску стрѣлъ,
И чтя слова твои, трапезы ждутъ священной,
Въ сей день готовимой и Вакху посвященной,
Чтобы сорвать вѣнецъ съ порочнаго чела.

Между тѣмъ Линсей вторично освобождаетъ Филомелу и приводитъ ее на сцену. Терей также является. Прогнея указываетъ ему жертву его звѣрскихъ изступленій, онъ упадаетъ къ ногамъ Филомелы.

Ахъ, дайте, дайте мнѣ у ногъ моей любезной
Съ потокомъ крови злой потокъ смѣшать мой слезный!

Но Филомела изнемогаетъ, Линсей ее уводитъ, сопровождаемый Прогнеею. Тогда Терей обрушиваетъ на Калханта все свое негодованіе за то, что онъ дѣйствуетъ съ царицею заодно и возмущаетъ противъ него чернь, а этотъ оканчиваетъ съ нимъ свое состязаніе—проклятіемъ.

Въ пятомъ дѣйствіи Терей терзается совѣстію.

Уже я чувствую враговъ стремленья яры,
Летятъ во грудь мою смертельные удары,

Оставленъ всѣми я, сужденъ умреть стеня!
Надежда мстить!—и ты оставила меня!
Ахъ, тщетно въ тѣ часы, когда мой духъ терзался,
Я за трапезою неколебимъ казался.
Когда тамъ яствы я въ уста свои влагалъ,
Казалось, что свою я плоть на части рвалъ.
Вино въ устахъ моихъ во кровь преобращалось,
Паденіе мое всечасно мнѣ мечталось,
Грызенье совѣсти, отчаянье и страхъ
Преслѣдуютъ оттоль за мной во всѣхъ мѣстахъ....
Не медли, лютый рокъ, моей ты смертью злою,
Завѣсу вѣчности открой передо мною;
Я тартаръ предпочту ужасной жизни сей....
Ахъ, жизнь преступника геенны самой злѣй!

Агаметъ извѣщаетъ царя о кончинѣ Филомелы, другой вѣстникъ о волненіи народномъ и близкой его гибели. Является Калхантъ, Терей проситъ у него спасенія, убѣжища во храмѣ; но Калхантъ отвергаетъ его просьбу.

Ищи убѣжища себѣ во мрачномъ адѣ,
У фурій, коихъ ты свирѣпству подражалъ,
Когда терзая насъ, боговъ ты раздражалъ;
Ищи отрады ты въ мученьяхъ безконечныхъ.

Тогда Терей, не думая болѣе сопротивляться, слагаетъ съ себя вѣнецъ, отдается въ жертву и говоритъ Линсею, вошедшему съ воинами:

Терей отчаянный о жизни не печется,
Могу-ль терпѣть ее, собой гнушаясь самъ?
Она противна мнѣ, противна небесамъ.
Омой въ крови моей ужасные пороки.
Сколь ни ужасенъ адъ, сколь боги ни жестоки,
Ихъ лютость бѣдъ, меня достойныхъ, не нашла,
Моя свирѣпость всѣ злодѣйства превзошла.
Рази, вотъ грудь моя, въ которой дышитъ злоба,
Рази, отверзи мнѣ желанны двери гроба;
Уже противиться тебѣ я не хощу;
Не брани пагубной, но казни я ищу.

Входитъ Прогнея. Онъ, отдавая и ей себя во власть, проситъ ее только о невинномъ сынѣ своемъ.

Забудь отца его, и будь Ифису мать.
Младенецъ сей моимъ злодѣйствамъ непричастенъ,
Что я отецъ его – однимъ онъ тѣмъ несчастенъ.

Призри невинности младой ты слезный токъ,
И буди столь нѣжна, колико я жестокъ!

Но Прогнея бросаетъ передъ него кровавый черепъ, и на вопросъ его: гдѣ мой сынъ? отвѣчаетъ.

Въ твоей утробѣ –
За трапезой ты имъ насытился сейчасъ!

(Тиранъ закалается).

—

Это опытъ, этюда молодаго таланта.

Въ трагедіи много недостатковъ всякаго рода, но много движенія и пылу. Можно рѣшительно сказать, судя по шагамъ его отъ Бѣшеной семьи до Модной лавки, что Крыловъ и въ драматическомъ родѣ, если бъ счастливая его планета не указала ему прямаго его назначенія, дошелъ бы до значительнаго совершенства. Такъ богато онъ осыпанъ былъ дарами природы.

IV. Бѣшеная семья, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, съ куплетами. Напечатана въ 1793 году, а въ которомъ написана—не извѣстно. Содержаніе. Бабушка, лѣтъ шестидесяти; мать, сестра и дочь господина Сумбура, увидѣвши прошедшаго мимо ихъ оконъ офицера, всѣ влюбляются въ него и хотятъ выдти замужъ. Требуютъ денегъ отъ Сумбура на обновки и наряды, чтобы вѣрнѣе плѣнить офицера. Возня, суматоха и разныя продѣлки ихъ дѣйствительно напоминаютъ о бѣшеныхъ, и потому-то въ этой оперѣ нѣтъ ни естественности, ни складу. Ночью вносятъ офицера и слугу его въ домъ Сумбура, въ корзинахъ, вмѣсто фарфора, взятаго на прокатъ для свадьбы, тайно замышляемой дамами. Высвободивъ ихъ изъ корзинъ, дамы возятся въ потьмахъ, желая ухватиться за офицера, и нѣкоторыя изъ нихъ вцѣпились въ его слугу, который говоритъ: «Тьфу пропасть! долго ли мнѣ имъ руки будетъ цѣловать!» и который наконецъ хочетъ кричать караулъ.

Всѣ поютъ:

Тише, тише, кто такой?
Не шумите, ради Бога!
Тише, что здѣсь за тревога,

Что за ссоры въ часъ ночной?
Тише, тише, говорятъ,
Будьте хоть на часъ спокойно!
Шумы дѣлать непристойно,
Когда всѣ здѣсь въ домѣ спятъ.

Является г. Сумбуръ, сторожившій съ собакою у воротъ, по совѣту плутоватой служанки, желавшей выжить его изъ комнатъ; люди его со свѣчами и вооружены палками; онъ поетъ:

Разбой, разбой, разбой!
Ступайте всѣ за мной,
Ловите всѣхъ немедленно
Хватайте всѣхъ, какъ велѣно!
Та-та та-та та-та!
Поймалъ я, други, васъ.

Но офицеръ отвѣчаетъ:

Кто тронется изъ васъ впередъ,
На шпагѣ мѣсто тотъ найдетъ
И мертвъ падетъ въ сей часъ.

Начинаются переговоры. Сумбуръ приказываетъ офицеру жениться на одной изъ дамъ: «Извольте выбирать любую.» Офицеръ объявляетъ: «Познайте, сударь, что прекрасная ваша сестра воспламенила мое сердце.» Этимъ бракомъ оканчивается піеса.

Это, кажется, второй опытъ въ театральномъ родѣ. Языкъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ здѣсь нѣсколько поразвязнѣе, но основа и ходъ первой піесы, т. е., Кофейницы, естественнѣе этой. Жаль, что имя Крылова на ней напечатано.

V. Сочинитель въ прихожей, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, напечатана въ 1794 году.

Содержаніе. Рифмохватъ, глупый бумагомаратель, желая поднести какое-то свое сочиненіе графу Дубову, ожидаетъ его въ сѣняхъ или въ прихожей: но графъ, принявши его за одного изъ своихъ заимодавцевъ, поспѣшно бросился въ каретy; стихоплетъ уронилъ свою книгу на земь и ее измяло колесомъ. Служанка госпожи Новомодовой берется выутюжить въ кухнѣ измятое сочиненіе. Между тѣмъ госпожа знакомится съ Рифмохватомъ, который накропалъ ей нѣсколько вздор-

ныхъ и нелѣпыхъ виршей, а съ служанкою дома онъ заводитъ любовныя интриги и дѣлается соперникомъ графскаго егеря, что̀ и составляетъ нѣсколько вздорныхъ сценъ. Графъ намѣренъ жениться на госпожѣ Новомодовой, и наконецъ, устроивши дѣла свои по имѣнію, пріѣзжаетъ за невѣстою. Тогда служанка приноситъ выутюженную книгу и отдаетъ Рифмохвату для поднесенія графу, но вмѣсто его сочиненія, ошибкою, она отдала ему записную книжку своей барыни. Графъ, принявши ее, перебираетъ листы и видитъ писанный рукою Новомодовой счетъ многочисленнымъ ея любовникамъ и получаемымъ отъ нихъ подаркамъ. Онъ оставляетъ ее, а Новомодова съ горя уходитъ въ свою комнату пить шоколадъ; тѣмъ комедія и оканчивается.

Я долго искалъ этой комедіи и сожалѣю, что наконецъ ее нашелъ. Кажется, что умъ и высокій талантъ нашего Ивана Андреевича еще не пробуждался; кажется, что онъ писалъ это въ просонкахъ и что онъ самъ тогда не сдѣлалъ еще себѣ и не разрѣшилъ вопроса: что̀ хорошо, что̀ худо.

VI. Пирогъ, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. (рукопись).

Лѣтъ за тридцать слишкомъ предъ симъ, эту комедію играли на домашнемъ театрѣ, въ домѣ А. Н. Оленина. Въ числѣ актеровъ, между прочими, былъ самъ авторъ, Иванъ Андреевичъ, талантливый и въ этомъ искусствѣ, и я. Но теперь я не могу хорошенько разсказать содержанія этой комедіи; память почти ничего не сохранила. Помнится какъ-то, что пирогъ, посланный женихомъ въ семейство его невѣсты, очутился тамъ безъ начинки, которая дорогою съѣдена плутомъ слугою, и что это было причиною разрыва дружбы между двумя семействами и несостоянія брака. Помнится, повторяю, но увѣрять не смѣю.

Можетъ быть, когда нибудь эта піеса вынырнетъ изъ какаго нибудь хлама, скрывающагося на чердакахъ, или въ подвалахъ; но если и вовсе погибнетъ, утрата подобныхъ піесъ ни сколько не уменьшаетъ славы знаменитаго нашего баснописца; въ нихъ не видѣнъ еще авторъ Модной лавки и Урока дочкамъ.

VII. Проказники, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, напечатана въ 1793 году. Годъ сочиненія не извѣстенъ. Въ этой комедіи видѣнъ уже рѣшительный талантъ Крылова. Характеры, хотя почти всѣ каррикатурные, порядочно обрисованы; но отголосокъ-ли это общества того времени, или тогдашняя привычка сочинителя, въ ней множество площадныхъ

шутокъ и двусмыслій. Говорятъ, что въ ней выставленъ на позоръ цѣлый, весьма извѣстный, домъ того времени, со всѣмъ его развратомъ и безпорядками. Невозможно однако жъ, чтобъ въ какомъ-либо домѣ, исключая, можетъ быть, питейные, говорилось безпрестанно столько наглыхъ намековъ и двусмыслій, сколько находимъ въ этой комедіи. Вотъ главное ея содержаніе.

У Рифмокрада и жены его Тараторы есть дочь Пріята, которую любитъ Милонъ, и ею взаимно любимъ; на бракъ ихъ согласны родители; но Тянисловъ, глупый педантъ и пошлый стихоплетъ, хламъ дома Рифмокрадова, упрашиваетъ Ланцетина, доктора госпожи дома и близкаго ея пріятеля, чтобы онъ убѣдилъ ее выдать за него Пріяту. Доктору удалось, и Милонъ въ сокрушеніи; однако жъ онъ наградами убѣждаетъ Плутану, служанку своей сестры, присланную въ горничныя къ его невѣстѣ, хитрую плутовку и пройдоху, помочь ему въ этомъ горѣ Она, переодѣвшись въ мужское платье, входитъ въ домъ Рифмокрада, знакомится, плѣняетъ, восхищаетъ собою Таратору, а господину дома тайно объявляетъ, что она—оставленная Тянисловомъ несчастная, благородная дѣвица; вкрадывается въ его любовь, употребляетъ разныя продѣлки, фарсы, обмороки и наконецъ убѣждаетъ его отказать Тянислову и выдать дочь за Милона. Отецъ и мать, оба плѣненные пройдохою, соглашаются и на это, но не могутъ получить обратно отъ Тянислова 10,000 р. денегъ, данныхъ въ приданое за дочерью. Плутана выманиваетъ и эти деньги, равно и письменное позволеніе родителей обвѣнчаться, чѣмъ и оканчивается комедія.

Это одинъ оставъ комедіи, въ которой много сценъ побочныхъ; комическихъ очень мало; весь комизмъ заключается въ двусмысленныхъ словахъ и намекахъ, всегда неблагопристойныхъ; но есть забавныя сцены, напр: въ 1 дѣйствіи, когда Азбукинъ, дядя Милона, простакъ, деревенскій помѣщикъ, вызванный племянникомъ въ Петербургъ, является въ домъ Рифмокрада, гдѣ, встрѣтившись случайно съ Тянисловомъ, разспрашиваетъ его о Рифмокрадѣ. Вотъ ихъ разговоръ:

Азбукинъ.

Здорово, мой другъ! Не человѣкъ ли ты здѣшняго дома?

Тянисловъ.

Кто? я человѣкъ? вы очень ошибаетесь.

Азбукинъ.

Извини меня, мой другъ; я было по лицу твоему заключилъ.

Тянисловъ.

Мой видъ и мой разумъ не доказываютъ того, что̀ вы обо мнѣ говорите.

Азбукинъ.

А я, право, думалъ, что ты человѣкъ. Прости же меня, мой другъ; я вижу, что мы съ тобою одинаковы: ты, конечно, другъ въ здѣшнемъ домѣ?

Тянисловъ.

Да, я знакомъ Рифмокраду и его женѣ; а вамъ ихъ же знать надобно?

Азбукинъ.

Да, я ихъ ищу; но какъ еще не знаю, то пожалуй покажи мнѣ ихъ, чтобъ я ошибкою на другихъ не набрелъ.

Тянисловъ.

Вы можете узнать его по головѣ: она у него очень не гладко причесана.

Азбукинъ.

По городски, мой другъ. У насъ такъ въ деревняхъ, бывало, квaскомъ примочишь, а здѣсь вездѣ духъ французскій носъ воротитъ; и за то, кого ни посмотри, всѣ съ рогами; такъ какъ же я его узнаю? неужели онъ рогатѣй всѣхъ?

Тянисловъ.

Да, сударь, у него очень не гладка голова, для того, что онъ всегда занятъ.

Азбукинъ.

Спасибо, мой другъ. Но какъ мнѣ нужда спросить тебя, такъ надобно тебѣ во всемъ признаться: мой племянникъ беретъ его дочь. Мнѣ говорили многіе, что это свойство для насъ выгодно; такъ скажи, пожалуй: каковъ господинъ Рифмокрадъ? Я слышалъ, онъ ужасно много пишетъ.

Тянисловъ.

Невѣжи ему удивляются; но я могу доказать, что у него ничего собственнаго нѣтъ, а все краденое.

Азбукинъ.

Вотъ-те разъ! Какъ же племянникъ писалъ ко мнѣ въ деревню, что онъ очень честный человѣкъ.

Тянисловъ.

Да, сударь, его такимъ почитаютъ.

Азбукинъ.

Однако жъ у насъ въ деревняхъ честные дворяне не крадутъ, другъ мой; но правду-ль ты говоришь? какимъ образомъ?

Тянисловъ.

Какъ, сударь! Я вамъ докажу, что онъ обокралъ Вольтера, Расина, Кребильона, Метастазія, Мольера, Реньярда...

Азбукинъ.

Смотри пожалуй! этакой звѣрь! Можетъ быть, эти бѣдные люди отъ него по міру пошли. Благодаренъ, мой другъ, что ты глаза мнѣ открылъ. А все-таки, прошу извинить мнѣ, что-то невѣроятно.

Тянисловъ.

Хотя онъ мнѣ и знакомъ; но я въ сію минуту вамъ это докажу: подождите меня (*Уходитъ.*)

Азбукинъ (*одинъ.*)

Хорошо, племянничекъ, ты со мною спроказилъ! Я бы ввѣкъ не въѣзжалъ въ городъ; а ты на старости меня заманилъ, обнадежа, что я радъ буду, породнившись съ Рифмокрадомъ. А я лишь пріѣхалъ, то и вижу совсѣмъ не то: чешется рогато; вѣдь это, я чай, ему денегъ стоитъ; онъ же и воръ. Нѣтъ, мой другъ, не думай, чтобъ я сдѣлалъ себѣ стыдъ такимъ родствомъ. (*Тянисловъ несетъ беремя книгъ*). Что это, мой отецъ?

Тянисловъ.

Это книги, въ которыхъ напечатано то, что онъ укралъ.

Азбукинъ.

Какъ! да неужели это есть и въ печати?

Тянисловъ.

Какъ, сударь, въ печати! Послушайте только: знаете-ли вы Беренису?

Азбукинъ.

Нѣтъ, мой другъ, прозванье это, кажется, не русское; а я съ Нѣмцами незнакомъ.

Тянисловъ.

Заиру?

Азбукинъ.

И не слыхивалъ.

Тянисловъ.

Идоменея?

Азбукинъ.

И этого не знаю. Да конечно они не проѣзжали мимо моихъ вотчинъ?

Тянисловъ.

И! нѣтъ, сударь, они жили за нѣсколько тысячъ лѣтъ до нынѣшняго времени.

Азбукинъ.

О! такъ нѣтъ, мой другъ; мои знакомые всѣ гораздо моложе.

Тянисловъ.

Ну, да–нѣтъ ничего: я буду вамъ читать напередъ по французски и по италіански, что онъ укралъ.

Азбукинъ.

Такъ онъ не на шутку воръ. Смотри пожалуй, ужъ и во Франціи это напечатано! Да онъ публичный воръ, братецъ ты мой; а я совсѣмъ этого и не думалъ... И часто онъ въ этомъ упражняется?

Тянисловъ.

Всякій день.

Азбукинъ.

Къ чему у него охота? Что онъ по большей части крадетъ?

Тянисловъ.

Самая малая картина, если она ему понадобится и понравится, то будьте увѣрены, что онъ и ее выкрадетъ.

Азбукинъ.

То бы онъ у меня этимъ не поживился; я до картинъ не слишкомъ охочъ. Еще не крадетъ-ли онъ чего?

Тянисловъ.

Все, сударь, что̀ ему полюбится; напримѣръ, вотъ изъ этой книги, если ему понадобится одна строчка, такъ онъ и ее выкрадетъ.

Азбукинъ.

Этакой пакостникъ! Да онъ бы этакъ у меня псалтирь укралъ, а у меня псалтирь-то дѣдушкина.

Тянисловъ.

Впрочемъ, онъ человѣкъ честной. Я рекомендую его вамъ, и теперь же пойду сказать, что вы здѣсь.

Азбукинъ.

Благодарствую; только скажи пожалуй ему, что я человѣкъ бѣдный и что у меня въ карманахъ ничего нѣтъ.

—

Еще забавная сцена въ 3-мъ дѣйствіи, когда Азбукинъ, желая узнать что-нибудь рѣшительное о свадьбѣ, приходитъ въ то самое время, какъ Тянисловъ совѣтуется съ Рифмокрадомъ о планѣ своей трагедіи, а Азбукинъ, у котораго сестра, княжна Тройкина, также въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этой комедіи, принимаетъ ихъ разговоръ на свой счетъ и на счетъ своей сестры.

Азбукинъ (*особо.*)

Добрая родня! не знаетъ куда дѣвать свою Пріяту. То отдаютъ ее Тянислову, то племяннику. Ба! да вотъ здѣсь и Тянисловъ съ Рифмокрадомъ; послушаю, на чемъ-то они дѣло рѣшатъ.

Тянисловъ.

И такъ, сударь, теперь объ одномъ остается съ вами побесѣдовать: какъ лучше и какою смертью умертвить княжну и ея брата?

Азбукинъ (*особо.*)

Уфъ! что я слышу!... вотъ-те разъ!

Рифмокрадъ.

Это, сударь, состоитъ въ вашей волѣ; надобно только, чтобы сдѣлать жалко.

Азбукинъ (*особо.*)

О, негодный! ему какъ-будто курицу стоитъ человѣка потерять.

Тянисловъ.

Но когда лучше, сударь, убить-то? вдругъ, или порознь?

Рифмокрадъ.

Лучше вдругъ, или тогда, когда кто первый по содержанію попадется.

Азбукинъ (*особо.*)

Ахъ, бѣда! не сносить мнѣ своей головушки: дай-ко выйду.

Тянисловъ.

Но чтобы намъ не помѣшали, я запру двери (*вставая.*) Такъ, я подлинно убью, когда кто первый по содержанію попадется.

Азбукинъ (*особо.*)

Живъ-ли я, или нѣтъ?... Пырнетъ онъ меня, собака! а выдти нельзя... спрячусь хоть подъ столъ. (*Подлѣзаетъ подъ столъ, а Тянисловъ запираетъ двери*).

Рифмокрадъ (*особо.*)

Желалъ бы я, чтобы онъ поступилъ по моему совѣту: я бы прямо въ шуты его записалъ.

Тянисловъ.

Теперь намъ никто не помѣшаетъ... а вѣдь въ такихъ дѣлахъ всегда нужна тайность... Какою же бы смертію совѣтовали вы мнѣ ихъ уморить?

Рифмокрадъ.

По моему мнѣнію, чтобы умножить красоту дѣйствія, надобно княжну опоить... или окормить; а брата, брата...

Азбукинъ (*особо.*)

Ахъ! что-то мнѣ будетъ! Убьютъ они меня, собаки, вмѣсто вороны.

Тянисловъ.

А для него, сударь, я выдумалъ новый образъ смерти; только хорошъ-ли онъ будетъ?

Рифмокрадъ.

О, сударь, прекрасный! а какой?

Тянисловъ.

Я хочу его удавить! вѣдь это афрапируетъ зрителей.

Рифмокрадъ.

Какъ же, сударь, это будетъ божественный coup de théatre!

Азбукинъ (*особо.*)

О проклятые! они смѣются, какъ-будто за чаркой водки, не жалѣя невинныхъ душъ. Я уже о княжнѣ не говорю; да моя прѣсная душенька чѣмъ виновата?

Тянисловъ.

Такъ какъ вы думаете, княжну-то можно опоить, или окормить?

Рифмокрадъ.

Для чего же, сударь, для чего же не такъ, естьли вамъ угодно. Гдѣ интересъ требуетъ, чтобы кого убить, тамъ ни на что смотрѣть не нужно. Вѣдь она женщина злонравная, гордая, упрямая и непостоянная.

Азбукинъ (*особо.*)

Такъ, это портретъ сестринъ! Бѣдная моя сестра! пропала ты, познакомясь съ симъ негоднымъ человѣкомъ.

Тянисловъ.

Но что жъ, ваша Пріята будетъ-ли скоро за мною? Я хочу поскорѣе жениться. Если у меня будетъ дочь, то отдадимъ ее также за стихотворца, такъ вотъ у насъ Парнасъ-то и пойдетъ по наслѣдству; а я уже и приданаго половину истратилъ.

Азбукинъ (*особо.*)

О, проклятые! вижу, для чего и меня удавить хотятъ.

Рифмокрадъ.

Вы судите какъ аѳинскій мудрецъ, сударь! (*Тихо*). Пріятѣ видно быть за нимъ. Дѣлать нечего.

Тянисловъ.

Такъ я княжну-то заставлю отравить ядомъ, а брата-то мы уже удавимъ, гдѣ только по интересу попадется; и это будетъ, право, прекрасно.

Азбукинъ (*особо.*)

Чтобъ тебѣ плуту самому петлею-то любоваться!

Рифмокрадъ.

И такъ вашъ нижайшій слуга, сударь.

—

VIII. «Трумфъ», шуточная трагедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ (*рукопись*)

Въ 1798 году, Крыловъ, находился въ помѣстьѣ князя Сергія Ѳедоровича Голицына, бывшаго въ-послѣдствіи Рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. По приглашенію хозяина, чтобъ молодые люди, находившіеся тогда въ его домѣ, выдумывали бы какія-нибудь забавы и веселились, Крыловъ, будучи въ самомъ юмористическомъ расположеніи духа, написалъ Трумфа. При чтеніи его, говорилъ онъ, всѣ помирали со смѣху. Это самое повторяется и теперь со всякимъ, въ первый разъ читающимъ эту піесу. Вотъ ея начало: это разговоръ между Подщипою, дочерью Вакулы, и Чернавкою, ея служанкою.

Чернавка.

Престанете-ль, княжна, крушиться столько вы,
И молодость губить?

Подщипа.

Увы! увы! увы!

Чернавка.

Ахъ, сжальтесь надъ собой, и такъ ужъ вы, какъ спичка,
И съ горя неглиже одѣты, какъ чумичка;
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,

Не чешетесь, ни пить не просите, ни ѣсть.
Склонитесь наконецъ, княжна, меня послушать,
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа.

Чернавка милая, пититу нѣтъ совсѣмъ;
Ну что за прибыль ѣсть. коль я безъ вкусу ѣмъ.
Сегодня поутру, и то совсѣмъ безъ смаку,
Насилу съѣсть могла съ сигомъ я кулебяку.
Ахъ! въ горести моей до пищи-ль мнѣ теперь?
Ломаетъ грусть меня, какъ агнца лютый звѣрь.

А вотъ въ чемъ дѣло. Трумфъ, нѣмецкій принцъ, предложилъ руку свою Подщипѣ, дочери Вакулы, но получивъ отказъ, пошелъ на него войною, и овладѣлъ его городомъ. Въ этой крайности, Вакула притворно соглашается выдать за него дочь свою, но Подщипа, страстно влюбленная въ князя Слюняя, и слышать о томъ не хочетъ. Вотъ какъ она изливаетъ свою къ нему любовь.

Увы, изъ дѣтскихъ я къ нему привыкла лѣтъ,
И съ нимъ завѣтнаго у насъ другъ другу нѣтъ.
Какъ вспомнить я могу безъ слезъ его всѣ ласки,
Щипки, пинки, рывки и самыя потаски.
Дѣлили всѣ мы съ нимъ забавы межъ собой:
Катанья въ мясляну, качели о святой,
Другъ безъ друга, увы, мы въ жмурки не играли,
И вмѣстѣ огурцы по огородамъ крали:
А нынѣ — ахъ! за весь его любовный жаръ
Готовится ему несносный столь ударъ.

Между тѣмъ Трумфъ, имѣя согласіе отца, является какъ женихъ, и вотъ его любовное объясненіе:

Старофа-ль, ангель мой, прелесна мой княшонъ?
Для плапалушна шасъ, кахта мой пудешь шонъ,
Мой ноши весь не спитъ, и серца польна сшотся;
Прелесна твой фикуръ на мой туша шифотся.
Куритъ-ли трупка мой, изъ трупка твой пихтитъ,
Или мой кофе пилъ, тфой въ шашечка сититъ;
Фестѣ мой фидитъ тфой на поля и на пушка...

Подщипа.

Конечно, такъ сударь, мнѣ много бъ было славы;
Но вспомни, что у насъ совсѣмъ различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я ихъ не терплю;
Противны слизни вамъ, а я ихъ смерть люблю.

Привыкъ ты на войнѣ сносить и жаръ и холодъ,
И къ пищѣ всякой тамъ тебя приводитъ голодъ;
А я лишь выборный люблю вездѣ кусокъ,
Пѣтушьи гребешки, у курочки пупокъ.
Ты всяку дрянь радъ ѣсть, находишь вкусъ въ лягушкахъ,
А я у матушки взросла лишь на ватрушкахъ.
Ты храбръ, но съ нѣжностью и вкусомъ не знакомъ,
И за версту, о князь, воняешь табакомъ;
Помысли-жъ, каково мнѣ быть твоей женою,
Подумай, лишъ о томъ и сжалься надо мною.

Но Трумфъ неумолимъ; онъ непремѣнно хочетъ жениться. Наконецъ Подщипа откровенно говоритъ ему:

Я не люблю тебя; мнѣ видъ противенъ твой.

Трумфъ, раздраженный такимъ пренебреженіемъ къ нему, въ гнѣвѣ произноситъ слѣдующія угрозы:

Мольши! На кородъ стѣсь не пудетъ шифъ ни тушка,
Сей шасъ пошолъ фелѣть на всѣхъ стрѣляй изъ пушка.

(*Уходитъ*).

Тогда подкрадывается картавый Слюняй, любезный Подщипы, и говоритъ:

Князьна, усойи онъ? Ну, бьятъ, какой сейдитой!
Онъ съядитъ хоть бы съ кѣмъ, хоть съ куцеомъ Никитой.
Пьеестная, какъ я бояйся за тебя,
Ужъ тамъ за двейию я ежомъ такъ сжай себя,
Ну, такъ и думаю, убьетъ ее до смейти,
На силу побьяи его отсюда чейти.

Подщипа.

Чтобъ сдѣлалъ ты, мой князь?

Слюняй.

Ну такъ бы и завый!
Безъ миенькой князны куда бъ я годенъ бый?

Подщипа.

Ужели бъ симъ мечомъ ты не сразилъ злодѣя?
Скажи, любезный князь, утѣшь меня скорѣе.

Слюняй.

Да, да, подсунься-ка къ его ты паяшу;
Вить деевянную я спагу-то ношу.

Чернавка.

Возможно ли? Какъ? Что?

Слюняй.

А какъ бы ты хотѣя!
Мнѣ матушка носить зеезной не веѣя.

Чернавка.

Но если бъ, князь, на васъ напасть дезнулъ бы кто,
Скажи, чѣмъ спасся бъ ты?

Слюняй.

А ноги-то на что?
Небось, какъ дамъ стьечка, такъ поминай какъ звали.

Такимъ образомъ продолжается эта сцена. Подщипа, чтобы не достаться Трумфу, предлагаетъ ему броситься вмѣстѣ съ нею въ окно, зарѣзаться, утопиться; но видя, что онъ не принимаетъ ни одного изъ ея предложеній, гнѣвается на него и уходитъ, говоря:

Прямой Слюняй, когда зарѣзаться ты трусишь.

Между тѣмъ Вакула сзываетъ совѣтъ, излагаетъ положеніе дѣлъ, жалуется на Трумфа:

Самъ Трумфъ, ругаться вамъ ставъ зараженъ повадкой,
Слышъ, всѣмъ велитъ носить кафтаны вверхъ подкладкой,

и прося совѣтниковъ придумать способы къ отвращенію несчастій, даетъ имъ бумагу, для прочтенія; но одинъ изъ нихъ слѣпъ, другой нѣмъ, третій глухъ, четвертый дряхлъ и едва дышитъ, такъ что Вакула никакого мнѣнія не могъ добиться и ушелъ обѣдать, а они заснули и захрапѣли. Въ-послѣдствіи однако жъ совѣтъ присудилъ просить помощи у цыганки, которая взялась помочь бѣдѣ. Она всѣмъ гадала: и Вакулѣ, и Подщипѣ, и Трумфу; всѣмъ угодила и ушла.

Между тѣмъ и Слюняй, соперникъ Трумфа, на котораго онъ не шутя уже гнѣвается, вбѣгаетъ:

Слюняй.

Ну, вотъ и я пьишой!

Трумфъ.

Поди-ка, пратъ, сюда.

Слюняй.

Ой смейть!

Трумфъ.

Мнѣ ната ты.

Слюняй.

Пьисья моя бѣда!

Помиюй, дядюска.

Трумфъ.

Нѣтъ, милуй мой не мошно.
Смерть тфой!

Трумфъ вызываетъ его на поединокъ, подаетъ пистолеты и велитъ выбрать любой.

Сей шасъ тафай стрѣляй, княшонъ чей будетъ шона.

Слюняй.

Ѣсть егче!... Дядюшка, я съіоду не стьеляй.

Трумфъ.

Ну, ну; не то тотшасъ я пуля посылай.
Стой тамъ.

Слюняй.

Съ умомъ-и ты? Застъеишь вить до смейти;
Князну, юбовь, тебя чтобъ все побьяли чейти!

Дуель не состоялся по трусости Слюняя; Трумфъ требуетъ, чтобъ Слюняй уговорилъ Подщипу немедленно выдти за него замужъ.

Смотри ше, вышлю я къ тебѣ княшонъ въ минутъ,
Но пуля въ лобъ тотшасъ, когда твой пудетъ плутъ.

Но Подщипа, не смотря ни на какія убѣжденія и просьбы Слюняя, остается непреклонною.

Слюняй.

Пьеесная, увы!
За вѣйность этаку мнѣ быть безъ гоёвы,
Застъеитъ онъ меня, отказъ его твой взбѣситъ.

Подщипа.

Пусть онъ тебя убьетъ, застрѣлитъ, иль повѣситъ,
Но нѣжности къ тебѣ не премѣнитъ моей.

Слюняй (*особо.*)

Чтобы ты тьеснуя и съ нѣзностью своей!

Подщипа.

Чтобъ я оставила тебя!.. избави, Боже!
Люблю, люблю тебя, ты мнѣ всего дороже.

Слюняй.

Ахти, бѣда моя! Хоть тисе говои,
Онъ бьиско, стьястью ты меня не умои.
Задушитъ онъ меня.

Подщипа.

Пусть онъ тебя задушитъ,
Но вѣрности моей ни мало не нарушитъ;
Чѣмъ я горжусь, о томъ чтобъ стала я молчать!
Люблю, люблю тебя! и буду то кричать.

Слюняй.

Ей, ей, конецъ пьишой! надезды бойсе нѣту!

Подщипа (*громко.*)

Люблю, люблю тебя, будь то извѣстно свѣту!

Подщипу зовутъ къ вѣнцу; она нейдетъ. Трумфъ вбѣгаетъ въ бѣшенствѣ и грозитъ смертью Слюняю, но Подщипа отвѣчаетъ:

Нейду, нейду, нейду! Ты бѣсишься напрасно.

(*Обнимая Слюняя*).

Имъ вся пылаю я, имъ сердце нѣжно, страстно!

Трумфъ (*вырывая у нея Слюняя.*)

Умри ше!

Слюняй кричитъ: Каяуй!..

Между тѣмъ цыганка, пробравшись въ нѣмецкую армію, употребила такія средства, отъ которыхъ у Нѣмцевъ поднялась такая бѣготня и чихотня, что лишь только войско Вакулы къ нимъ подступило, они тотчасъ и ружья положили. Въ-слѣдствіе этой побѣды, вбѣгаетъ Вакула и говоритъ:

Ура! ребятушки! а наша, слышъ, взяла!

и располагая судьбою побѣжденнаго Трумфа, приказываетъ Дурдурану:

Чтобъ парикмахеръ, слышъ, гребенкою большою
Сейчасъ, ты знашъ, его въ пять пуколь причесалъ,
Одѣлъ бы франтомъ, слышь, жабо бы подвязалъ,
Чтобъ прыгать казачка Трумфъ къ вечеру явился.

то есть: на свадебный пиръ Слюняя съ Подщипою.

Это шалость, это проказы таланта. Но разсыпать въ шутовской піесѣ столько веселости, столько остроты и сатирическаго духа — могъ одинъ Крыловъ! И въ этомъ родѣ, каковъ онъ ни есть, въ русской словесности нѣтъ ничего подобнаго. Созданія характеровъ Вакулы, Подщипы и Слюняя суть созданія каррикатурно-геніяльныя.

Послѣ Трумфа, Крыловъ, служившій въ Ригѣ, при военномъ генералъ-губернаторѣ, занимался наиболѣе дѣлами вовсе не литературными. Жизнь каждаго человѣка дѣлится на разные періоды, иногда совершенно противоположные одинъ другому. Жизнь въ Ригѣ нашего Ивана Андреевича была періодомъ его забавъ всякаго рода и разгульной жизни. Тогда преимущественно любилъ онъ сидѣть на пирахъ и играть въ карты и, по собственному его разсказу, былъ въ значительномъ (до 70,000 руб.) выигрышѣ. Но чтеніе, въ досужныя минуты, всегда оставалось любимымъ его упражненіемъ. Въ теченіе этихъ шести лѣтъ, т. е., съ 1801 года по 1807, былъ его литературный отдыхъ. Можетъ быть, нѣкоторыя мелкія стихотворенія — онъ упражнялся и въ лирической поэзіи — преложеніе VI псалма, исполненное силы и горячаго чувства, и нѣкоторыя другія были духовною его пищею въ это время, и поддерживали въ душѣ его творческій огонь для будущихъ произведеній. Опытъ и чтеніе лучшихъ иностранныхъ писателей: философовъ, историковъ и поэтовъ, открыли и указали ему новые пути. Съ 1807 года, знакомый уже съ тайнами искусства, онъ является на литературномъ поприщѣ съ произведеніями высокаго достоинства, зрѣлыми и глубоко-обдуманными.

IX. Модная лавка, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. 1807 года. Содержаніе: Лестовъ, молодой офицеръ, стоя на квартирахъ въ городѣ Курскѣ, въ домѣ помѣщика Сумбурова, пріятеля своего отца, женатаго на второй женѣ, влюбился въ дочь его. Мачиха хочетъ выдать его за родственника своего Недосчетова, который промотался на проектахъ, и старикъ, не

смотря на хорошее расположеніе свое къ Лестову, сыну своего пріятеля, угождая женѣ своей, отказываетъ ему. Огорченный любовникъ беретъ отпускъ, скачетъ въ Москву, и входитъ въ модную лавку. (Здѣсь начинается дѣйствіе.) Маша, крѣпостная дѣвушка сестры Лестова, наперсница мадамъ Каре, французской торговки, узнаетъ его горе. Сумбурова, пріѣхавшая въ столицу вмѣстѣ съ мужемъ и падчерицею, для закупки приданаго, забралась въ эту лавку тайкомъ отъ своего мужа, ненавистника Французовъ и модъ. Маша обѣщаетъ помогать Лестову. Мужъ, проѣзжая мимо лавки, видитъ слугу своей жены, входитъ, бранится и уводитъ ее съ собою. Но между тѣмъ молодой человѣкъ, чтобы поговорить съ любезною, которая дожидается своего отца въ каретѣ, даетъ денегъ его слугамъ, которые напиваются пьяны. Во второмъ дѣйствіи появляется новое лице, Трише, Французъ, плутъ, ростовщикъ, доносчикъ и совсѣмъ тѣмъ богатый купецъ: онъ предлагаетъ Сумбурову купить векселя во 100,000 руб. на г. Недосчетова, жениха его дочери, и намекаетъ о контрабандѣ, которая спрятана въ модной лавкѣ. Сумбуровъ, къ удивленію всѣхъ, приходитъ опять въ лавку, не смотря на свою ненависть къ модамъ; но онъ только хочетъ нанять Машу, чтобы она въ деревнѣ одѣвала его домашнихъ. Жена пріѣзжаетъ по его слѣдамъ; старикъ, боясь ея ревности, смущается; Маша, пользуясь этимъ, клеплетъ на него, будто онъ пріѣхалъ выбрать платья для жены и для дочери; старикъ, боясь шуму, не опровергаетъ ложь, и Маша навязываетъ ему кружевъ, тюлю, разныхъ товаровъ, которые онъ поневолѣ беретъ. Входятъ мадамъ Каре и Трише; ихъ ссора забавляетъ и зрителей и Сумбурова. Маша отправляетъ отца и мачиху въ комнату къ мадамъ Каре и остается съ дочерью. Является Лестовъ и, пользуясь этою минутою, бросается на колѣни, стараясь уговорить невинную Лизу къ побѣгу; возвратившійся отецъ видитъ это, поднимаетъ шумъ, прогоняетъ Лестова, и, проклиная модныя лавки, уводитъ съ собою жену и дочь. Въ третьемъ дѣйствіи, Трише донесъ о контрабандѣ; но она уже вынесена изъ лавки. Молодой человѣкъ посылаетъ своего слугу къ мачихѣ сказать, отъ имени мадамъ Каре, что у нея есть рѣдкіе запрещеные товары, которые она можетъ купить за безцѣнокъ. Сумбуровъ приходитъ разсчесться за забранные наряды. Чтобы выманить его, Лестовъ садится въ карету съ одною изъ дѣвушекъ; глупый слуга, ротозѣй Антропка, обманутый ими, увѣряетъ Сумбурова, что дочь его убѣжала съ Лестовымъ; онъ бросается въ карету и скачетъ домой, забывши въ лавкѣ свою книжку съ деньгами. Жена его, обманутая

посланнымъ Лестова, украдкою пріѣзжаетъ въ лавку и проситъ Машу запереть двери, чтобы никто имъ не помѣшалъ выбирать товары. Старикъ, нашедши, что дочь его не только ни съ кѣмъ не ушла, но даже и изъ дому не выѣзжала, возвращается съ нею въ лавку, чтобы взять забытыя въ ней свои деньги. Жена, услышавъ его голосъ, не знаетъ куда дѣваться; Маша сажаетъ ее въ шкапъ, на мѣсто вынутой контрабанды. Входитъ Трише съ полицейскими, кототорые вездѣ обыскиваютъ; старикъ шпыняетъ магазинщицъ и намекаетъ о шкапѣ. Требуютъ ключа; Сумбуровъ вырываетъ его у Маши и хочетъ самъ отпереть шкапъ. «Посмотримъ вашихъ рѣдкихъ товаровъ, говоритъ онъ. Что-то на нихъ за узоры? Куда жаль, коли печати не найдемъ. Но Маша говоритъ ему на ухо, что тамъ не контрабанда, а жена его; онъ заглядываетъ сверху въ стекло и видитъ ее; страхъ осрамиться при людяхъ, заставляетъ его согласиться на желаніе Лестова, вошедшаго въ магазинъ, при началѣ этой сцены, который обѣщаетъ вывесть его изъ хлопотъ и который потомъ напоминаетъ Трише, что онъ нѣкогда былъ его камердинеромъ и обокралъ его. Трише, испугавшись, отказывается отъ своего доноса, и уходитъ; полиція оставляетъ магазинъ. Бѣдную Сумбурову выпускаютъ изъ шкапа. Безстыдница, безбожница, губительница ты моя! Какая дьявольская сила тебя тутъ угнѣздила? говоритъ ей Сумбуровъ и объявляетъ ей, что падчерица ея выходитъ за Лестова. Сумбуровъ оканчиваетъ комедію, проклиная и моды и модныя лавки.

Эта комедія изобрѣтена, расположена, написана истинно мастерски; множество истинно комическихъ сценъ, всѣ дѣйствія отчетисты; языкъ ловкій и умный; ни одной пошлости. Остроты, шутки—веселы, забавны, умны; характеры до такой степени вѣрны, что кажутся живою натурою. Замѣчено было въ свое время и весьма справедливо, что комедія получила бы высшее совершенство, если бы Лестовъ былъ выведенъ менѣе вѣтрогономъ, чтобъ и въ самой вѣтрености его болѣе видно было доброе сердце и хорошій нравъ; зритель принималъ бы въ судьбѣ его большее участіе, и болѣе былъ бы увѣренъ, что Лиза, ставъ его женою, будетъ счастлива.

Модная лавка есть истинно оригинальная комедія безъ всякой примѣси подражанія. Она доказываетъ великій комическій талантъ Крылова и занимаетъ мѣсто между первѣйшими театральными произведеніями нашей Словесности.

X. Илья богатырь, волшебная опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, 1807 года. Содержаніе: Владиславъ, князь Черниговскій, же-

ластъ, по завѣщанію своего отца, вступить въ бракъ съ Болгарскою княжною Всемилою, которая ѣдетъ отъ своего отца и приближается уже къ Чернигову; но злая волшебница Зломѣка, дочь Печенѣжскаго кагана Узбека, находящаяся у него въ плѣну, препятствуетъ этому браку. Между тѣмъ Печенѣги, захвативши въ плѣнъ невѣсту князя, Всемилу, угрожаютъ разорить и сжечь городъ Черниговъ. Но волшебница Добрада, защитница Владисила, противодѣйствуетъ Зломѣкѣ, выпросившей у него локонъ волосъ его, съ которымъ соединена судьба Владисила. Богатырь Илья Муромецъ идетъ, для спасенія Чернигова; но ему нужно достать мечъ-кладенецъ и ключъ отъ желѣзнаго сундука, въ которомъ онъ хранится. Владисилъ съ шутомъ своимъ Торопомъ спускается чрезъ пропасть въ подземное царство духовъ за этимъ ключемъ. Добрада, желая показать Владисилу невѣсту его, находящуюся во власти Зломѣки, усыпляетъ ея волшебныхъ стражей и спящую переноситъ въ его садъ.—Въ сумракѣ, на ложѣ, подъ кустомъ, подлѣ котораго катится рѣка, покоится очарованнымъ сномъ его будущая подруга. Она окружена группами дѣвицъ, по временамъ танцующихъ, между-тѣмъ какъ въ воздухѣ и въ саду хоръ невидимыхъ дѣвицъ поетъ:

Тише, рѣзвы ручейки,
Вѣйте, вѣтерки, въ-полсилы;
Тише, на древахъ листы,
Не будите здѣсь Всемилы.

Владисилъ, очарованный ея красотою, становится передъ спящею на колѣна. Онъ желаетъ услышать ея голосъ и изъ прекрасныхъ устъ ея узнать свой приговоръ. Ему приказываютъ снять съ груди ея розу; Всемила просыпается и выходитъ изъ куста. Какимъ видѣла она жениха своего во снѣ, точно такимъ видитъ его на яву; оба въ восхищеніи; увѣренія любви, клятвы расточаются съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ надобно имъ разлучиться. Всемила садится на дерновую скамью у куста, и опять засыпаетъ; геніи уносятъ ее въ воздухъ сонную, а Владисилъ садится въ лодку и уплываетъ, по приказанію Добрады, добывать ключъ отъ меча-кладенца. Этимъ оканчивается первое дѣйствіе.

Лена, дочь волшебницы Добрады, желая выманить у Зломѣки роковой локонъ волосъ Владисиловыхъ, принимаетъ видъ деревенской дѣвушки, входитъ съ корзинкой и поетъ, приплясывая:

Лена.

Я младенька весела, весела,
Я была бы веселѣй, веселѣй,
Кабы мнѣ младой подрость поскорѣй,
И дружка бы я себѣ нажила.

Зломѣка.

Какая смѣлость! Чего ты здѣсь ищешь, дѣвочка?

Лена.

Я брала малину и забѣжала-было сюда отдохнуть.

Зломѣка.

Развѣ ты не боишься?

Лена.

А чего?—медвѣдя? Я бѣгаю прытче зайца. Волка? Я отъ него, какъ бѣлка, вмигъ на дерево. Правда, матушка твердитъ мнѣ часто, чтобъ боялась лихихъ людей; да у насъ въ околоткѣ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Ахъ, какая у тебя прекрасная палочка! подари мнѣ, я тебя за это малиной поподчую.

Зломѣка.

Нѣтъ, она мнѣ самой очень нужна.

Лена.

Да ты отколь, и что здѣсь дѣлаешь?

Зломѣка.

Я хочу жжечь эти волосы.

Лена.

Ахъ, какая ты рѣзвая; намъ и маленькимъ за такія шалости уши дерутъ. Да что жъ это за волосы?

Зломѣка.

Презабавный ребенокъ!... Это волосы Черниговскаго князя Владисила.

Лена, *(прыгая.)*

Ахъ, княжескіе волосы! княжескіе волосы! я съ роду князей не видывала; покажи, пожалуйста, такіе-ль у нихъ волосы, какъ у простыхъ людей? Дай мнѣ на нихъ полюбоваться.

Зломѣка.

Какъ она мила! Вотъ посмотри ихъ; а я между тѣмъ приго-

товлю, что нужно. (*Лаская ее.*) Только ты, миленькая, не пугайся того, что̀ увидишь.

Лена.

Ужъ какая ты добрая!

Зломѣка, *(взявши пламенникъ.)*

Адское пламя, объими эти уголья.—Что̀ это значитъ? *Пламенникъ угасаетъ и чаша, бывшая съ зельями, наполняется снѣгомъ.)*

Лена, *(принявшая свой собственный видъ).*

Зломѣка! никакъ въ аду зима, что пріятели твои подчуютъ тебя снѣгомъ.

Зломѣка.

Кто ты, дерзкая? Отдай въ сію минуту волосы, или ты погибла. (*Бросается къ ней.*) Какая невидимая сила меня удерживаетъ?

Трепещи моей ты власти,
Я могу подвигнуть адъ:
Тьмы чудовищъ налетятъ,
Разорвутъ тебя на части.

Лена.

Не боюся я, нѣтъ, нѣтъ,
Не боюсь тебя, мой свѣтъ.

Зломѣка.

Вѣдь ты знаешь, я Зломѣка.

Лена.

Какъ же; знаю, дочь Узбека,
Внучка Кары и Терека:
Правнучка Теримерека:
Только ты мнѣ не страшна.

Зломѣка.

Знай же, дерзкая болтунья ..

Лена.

Знаю я, что ты колдунья,
Колотовка и шалунья,

Надъ водою ты воркунья,
А мнѣ все-таки смѣшна.

Зломѣка.

Нѣтъ терпѣнья, я бѣшуся!
Ахъ, должна-ль я то сносить!

Лена.

Не боюся, не страшуся,
Мило мнѣ тебя бѣсить.

Зломѣка.

Явитесь, чудовища, въ ужасныхъ видахъ! Посмотримъ, такъ-ли ты безстрашна? Растерзайте ее! (*Чудовища бросаются, но по знаку Лены останавливаются.*)

Лена.

Видишь-ли, Зломѣка, что твои черти добрѣе тебя. Знай же, что я Лена, дочь Добрады; очень довольна, что выманила у тебя роковой волосъ Владисила; прощайте!

Сѣдырь, боярин Черниговскій, одинъ изъ дѣйствователей этой оперы, въ лицѣ котораго авторъ выставляетъ на позоръ льстецовъ и угодниковъ дворскихъ, попался въ руки чертей и перепесенъ въ подземное ихъ царство. Асмодей, желая просвѣтить его, испытываетъ напередъ: далекъ-ли онъ въ своихъ понятіяхъ? и задаетъ ему вопросы. Какъ ты говоришь?—Съ тѣмъ, кому до меня нужда—басомъ; а съ тѣмъ, до кого мнѣ нужда—дискантомъ, милостивый государь, отвѣчаетъ Сѣдырь.—Какъ ты кланяешься?—Какъ кланяюсь? а кому, государь? Ибо нужно доложить, что прадѣдушка мой оставилъ дѣдушкѣ 15 манеровъ кланяться, дѣдушка оставилъ послѣ себя 42 манера, а батюшка, мой родитель, передалъ мнѣ 134 манера, которыми я имѣю честь съ успѣхомъ пользоваться. По окончаніи экзамена, черти объявляютъ ему: «Мы взялись-было тебя учить, а выходитъ на повѣрку, что у насъ нѣтъ такихъ искусниковъ, какъ ты.»—Милостивый государь, отвѣчаетъ Сѣдырь, есть-ли вамъ не противно, такъ пожалуйте мнѣ чертенка два-три на выучку; я вамъ ихъ въ годы поставлю.

Соловей-разбойникъ засорилъ лѣса своею шайкою, и дорогу отъ Мурома къ Чернигову сдѣлалъ непроходимою. Является русскій богатырь Илья Муромецъ; онъ пробирается этою дорогою въ Черниговъ, истребляетъ шайки, разоряетъ гнѣздо Соловья-разбойника, свитое на двѣнадцати дубахъ, добываетъ у него желѣзный сундукъ, беретъ мечъ-кладенецъ, спѣшитъ къ

осажденному Чернигову, поражаетъ, вмѣстѣ съ княземъ Владиславомъ, Печенѣговъ и освобождаетъ Черниговъ. Добрая волшебница сражается со злою и одолѣваетъ ее. Лена похищаетъ Всемилу изъ шатра Узбекова, переноситъ ее въ Черниговскій дворецъ, гдѣ наконецъ является и Владиславъ, побѣдившій Печенѣговъ. Князь женится на Всемилѣ, и все оканчивается торжествами и увеселеніями.

Оперы, особливо волшебныя, не подвержены строгимъ правиламъ; довольно, если онѣ занимаютъ зрителя и доставляютъ ему удовольствіе. Въ Ильѣ-богатырѣ щедрою рукою разсыпано все, нужное для достиженія этой цѣли. Игривое воображеніе автора, волшебства, превращенія, остроты, шутки, куплеты и живость разговоровъ дѣлаютъ эту піесу весьма пріятною, и хотя она написана не по собственному выбору автора, а по просьбѣ А. Л. Нарышкина, бывшаго тогда директоромъ театровъ, однако жъ служитъ новымъ доказательствомъ разнообразнаго и гибкаго таланта Ивана Андреевича Крылова.

XI. Урокъ дочкамъ, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, 1807 года.

Содержаніе: Велькаровъ, русскій дворянинъ, возвратившись со службы въ Москву, захотѣлъ взять къ себѣ дочерей, воспитанныхъ у тетки, чтобы до замужества полюбоваться ими. Но дочери, лишь только вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ; всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками. Велькаровъ не зналъ иностранныхъ языковъ, а онѣ накликали въ домъ такихъ нерусей, между которыми бѣдный старикъ шатался, какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что̀ говорятъ и чему хохочутъ. Вышедши наконецъ изъ терпѣнія отъ ихъ проказъ и дурачествъ, онъ увезъ дочекъ въ деревню, за 700 верстъ отъ Москвы, и въ наказаніе за всѣ грубости, непочтеніе и досады, которыя онъ въ городѣ отъ нихъ вытерпѣлъ, запретилъ имъ говорить по-французски, сдѣлалъ даже въ своемъ домѣ законъ, чтобъ никто, даже и гости, иначе не говорили, какъ по-русски. Ачтобъ между собой не говорили дочери иначе, то приставилъ къ нимъ старую няню Василису, которая должна, ходя за ними по пятамъ, строго это наблюдать, если заупрямятся, то докладывать ему. За то куда ни пойдутъ, а няня Василиса съ ними, что слово скажутъ не по-русски, а няня Василиса тутъ съ носомъ, такъ что отъ няни Василисы приходитъ хоть въ петлю!

Такъ разсказываетъ Даша, горничная этихъ барышень Семену, своему жениху, который случайно встрѣтился съ нею, от-

правляясь со своимъ барином̀ъ въ армію и остановясь, вмѣстѣ съ барином̀ъ, для отдыха въ помѣстьѣ г-на Велькарова. Вотъ продолженіе ихъ разговора.

Семенъ. Да не-ужли въ нихъ такая страсть къ иностранному?

Даша. А вотъ она какова, что онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на Француза.

Семенъ. Да щедры-ли твои барышни, скажи-ко—какъ бы тебя спросить: легко-ли ихъ разжалобить?

Даша. Легко, только не русскими слезами. Въ Москвѣ у нихъ иностранцы пропасть денегъ выманиваютъ.

Семенъ, *(въ задумчивости.)* Деньги,—палки; палки—деньги, какъ будто вижу и то и другое. Чортъ знаетъ, какъ быть; и надежда манитъ, и страхъ беретъ.

Чтобы ускорить свою свадьбу съ Дашею, Семенъ рѣшается притвориться Французомъ, чтобы выманить денегъ у ея барышень. *(Онъ уходитъ, а барышни Фекла, Лукерья и няня ихъ Василиса входятъ.)*

Фекла. Да отвяжешься-ли ты отъ насъ, няня Василиса!

Лукерья. Няня Василиса, да провались ты сквозь землю!

Няня Василиса. Съ нами Богъ! Матушки, вѣдь я господскую волю исполняю;да и вы, красавицы мои, барышни,—что вамъ за прибыль батюшку гнѣвить! Не-ужли у васъ язычекъ болитъ говорить по-русски?

Лукерья. Это несносно, сестрица; я выхожу изъ терпѣнія.

Фекла. Мучительно, убійственно! Оторвать насъ отъ всего, что есть милаго, любезнаго, занимательнаго, и завезти въ деревню, въ пустыню!

Лукерья. Будто мы на то воспитаны, чтобы знать, какъ хлѣбъ сѣютъ!

Даша, *(особо.)* Небойсь для того, чтобы знать, какъ его ѣдятъ . . . . . .

Лукерья. Eh bi n, ma soeur.

Н. Василиса. Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски, батюшка гнѣваться будетъ.

Лукерья. Чтобъ тебѣ оглохнуть, няня Василиса!

Фекла. Я думаю, право, если бъ мы попались въ полонъ къ Туркамъ, и тѣ съ нами бы поступали вѣжливѣе батюшки,

и они бы не стали столько принуждать насъ къ русскому языку.

Лукерья. Прекрасно, божественно, съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями, зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ! Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? Къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ, какая райская жизнь! По-утру едва успѣешь сдѣлать туалетъ, явятся учители, танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей! Тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла, тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ, ну словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ, и не увидишь какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по модным лавкамъ, тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій; на недѣлю будетъ, что разсказывать; потомъ ѣдешь обѣдать и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетушекъ, послѣ домой, и снова займешься туалетомъ, чтобъ ѣхать куда-нибудь на балъ, или въ собраніе, гдѣ одного мучишь жестокостію, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ, для забавы давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока; а онѣ-то морщатся, онѣ-то ворчатъ; ну, умереть надо со смѣху! *(хохочетъ)* Танцуешь, какъ полоумная, и когда случишься въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать какъ въ хвостѣ; словомъ, не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты полумертвая идешь домой;—а здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши—ахъ! Я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства, такъ зла, такъ зла, что.... ah, si jamais je suis....

Н. Василиса. Матушка Лукерья Ивановна, извольте гнѣваться по-русски.

Лукерья. Да исчезнешь-ли ты отъ насъ, старая колдунья!

Фекла. Не убійственно-ли это, миленькая сестрица? Не видать здѣсь ни одного человѣческаго лица, кромѣ русскаго, не слыхать человѣческаго голоса, кромѣ русскаго! Ахъ, я бы истерзалась, я бы умерла съ тоски, если бъ не утѣшалъ меня Жако, нашъ попугай, котораго одного во всемъ домѣ слушаю я съ удовольствіемъ. Милый попинька! Какъ чисто говоритъ онъ мнѣ всякій разъ: Vous êtes une sotte. А няня Василиса

тутъ какъ тутъ; такъ что и ему слова по-французски сказать я не могу. Ахъ, если бы ты чувствовала всю мою печаль! Ah, ma chère amie!

Н. Василиса. Матушка Фекла Ивановна, извольте печалиться по-русски; ну, право, батюшка гнѣваться будетъ!

Фекла. Надоѣла, няня Василиса!

Н. Василиса. Ахъ, мои золотыя! Ахъ, мои жемчужныя! Злодѣйка-ли я? У меня у самой, на васъ глядя, сердце надорвалось; да какъ же быть? воля барская! Вѣдь вы знаете каково прогнѣвить батюшку! Да неужели, мои красавицы, по-французскому-то говорить слаще? Кабы не боялась барина, такъ послушалась бы васъ: что это за нарѣчіе.

Фекла. Ты не повѣришь, няня Василиса, какъ на немъ все чувствительно, ловко и умно говорится.

Н. Василиса. Кабы не страхъ обуялъ, право бы послушала, какъ имъ говорятъ.

Фекла. Ну, да вѣдь ты слышала, какъ говоритъ нашъ попугай Жако.

Н. Василиса. Охъ, вы мои затѣйницы! А ужъ какъ онъ, окаянный, рѣчисто выговариваетъ; только я ничего не понимаю.

Фекла. Вообрази же, миленькая няня, что мы въ Москвѣ, когда съѣзжаемся, то говоримъ точно, какъ Жако.

Н. Василиса. Такое дѣло, мои красавицы: ученье свѣтъ, а неученье тьма. Да вотъ погодите, дождетесь своей вольки, какъ выйдете замужъ.

Лукерья. За кого? За здѣшнихъ женіховъ?—Сохрани Богъ! Мы ужъ ихъ дюжины отбоярили добрымъ порядкомъ; да и съ Хопровымъ и съ Таниным, которыхъ теперь намъ батюшка прочитъ, не лучше поступимъ. Куда онъ забавенъ, если думаетъ, что здѣсь кто-нибудь можетъ быть на нашъ вкусъ.

Велькаровъ. *(за театромъ.)* Скажи: милости-де прошу, дорогіе сосѣдушки!—Ну что, няня Василиса, не выступили-ль дочери изъ моего приказанія?

Н. Василиса. Нѣтъ, государь! *(отводя его.)* Только батюшка мой, не погнѣвись на рабу свою—и прикажи слово вымолвить.

Велькаровъ. Говори, говори: что такое? *(Видя, что дочери хотятъ уйдти)* Постойте!

Лукерья. Ахъ!

Фекла. *(тихо.)* Hélas!

Велькаровъ. *(Нянѣ.)* Ну, что ты хотѣла сказать?

Н. Василиса. Не умори ты, государь, барышень-то; Господь знаетъ, можетъ быть ихъ натура не терпитъ русскаго языка; хоть ужъ не вдругъ ихъ приневоливай.

Велькаровъ. Не бойся, будутъ живы; поди и продолжай только наблюдать мое приказаніе.

Н. Василиса. То-то, мой отецъ, видишь, онѣ такія великатныя; я помню, чего стоило, какъ ихъ и отъ груди отнимали. *(Уходитъ.)*

Велькаровъ уговариваетъ дочерей принять ласково и вѣжливо двухъ гостей, Хопрова и Танина, которые черезъ часъ къ нему будутъ; что они люди достойные, степенные, и притомъ богаты, словомъ, хорошіе имъ женихи; чтобъ онѣ оставили дурь и походили сколько-нибудь на людей; но дочки огрызаются, и хвалясь своимъ воспитаніемъ и госпожею Григри, наговорили ему и дерзостей и грубостей, и не дали ему сказать ни слова, пока наконецъ онъ не употребилъ строгости. Молчать! вскричалъ онъ: молчать! Тысячу разъ молчать!... Стыдно, сударыни, стыдно! Дѣвушки ужъ вы давно невѣсты, а еще ни голова ваша, ни сердце не запасено ничѣмъ, что̀ бы могло сдѣлать счастіе честнаго человѣка. Все ваше остроуміе въ томъ, чтобы перецыганивать и пересмѣивать людей, часто почтеннѣе себя.. . Какія ваши дарованія? Нѣсколько пѣсенокъ изъ модныхъ оперъ, нѣсколько рисунковъ учителевой работы и неутомимость прыгать и кружиться на балахъ; а самое-то главное достоинство то, что вы болтаете по-французски, да только ужъ что̀ болтаете, того не приведи Богъ разсудительному человѣку ни на какомъ языкѣ слышать. *(Дочки опять огрызаются и спорятъ съ отцомъ.)*

Слуга докладываетъ Велькарову, что какой-то Французъ проситъ позволенія войдти. Онъ приказываетъ спросить, кто онъ и зачѣмъ?

Лукерья. Сестрица душенька, Французъ!

Фекла. *(тихо.)* Французъ, душенька сестрица; ужъ хоть бы взглянуть на него! Пойдемъ-ка.

Слуга возвращается и говоритъ: его зовутъ маркизъ.

Лукерья. *(Тихо сестрѣ.)* Сестрица душенька, маркизъ!

Фекла. *(Также.)* Маркизъ, душенька сестрица! Вѣрно какой-нибудь знатный!

Велькаровъ, узнавъ, что маркизъ пробирается въ Москву пѣшкомъ, слѣдовательно бѣденъ, позволяетъ ему войти. Тогда дочери его расхлопотались о своемъ нарядѣ, поправляютъ во-

лосы, румянятся, охорашиваются, присядаютъ, придумываютъ, какъ бы имъ лучше его принять; то хотятъ сѣсть за пяльцы, то заняться чтеніемъ.

Отецъ ихъ входитъ съ Французомъ, т. е., переодѣтымъ Семеномъ, который говоритъ, что его ограбили дорогою. Велькаровъ обѣщаетъ ему содѣйствіе и пособіе. Дѣвицы въ восхищеніи, что видятъ Француза, и въ отчаяніи, узнавши, что онъ умѣетъ говорить по-русски.—При свиданіи съ ними, онъ разсказываетъ имъ свои несчастія и свои обстоятельства, чтобы выманить у нихъ что-нибудь. Сообщаетъ имъ за великую рѣдкость, что во Франціи всѣ города выстроены на большихъ дорогахъ, и опять напоминаетъ о своихъ обстоятельствахъ. На вопросъ дѣвицъ, что̀ во Франціи читаютъ? Фи, фи, говоритъ онъ, какъ это неблагородно! Мы всѣ, кто познатнѣе, никого не читаемъ. Мало-ли есть прекрасныхъ упражненій, кромѣ книгъ, для молодаго человѣка, напримѣръ: можно ничего не дѣлать, можно гулять, можно пѣть, можно играть комедію. Я вамъ послѣ обо всемъ разскажу; теперь позвольте представить вамъ мои жалкія обстоятельства. Наконецъ наши барышни разохались, разахались до того, что и няня Василиса развылась: «Мои золотыя! Глядѣла на васъ, глядѣла, инде меня горе разобрало. Я вспомнила про внука Егорку, котораго за пьянство въ рекруты отдали; ну, такой же былъ статной, какъ его милость.

Сидорка, слуга Велькарова, говоритъ Французу, что баринъ его прислалъ ему съ своего плеча новую пару платья, да двѣсти рублей денегъ. Барышни осуждаютъ этотъ поступокъ отца, говоря, что кафтанъ слишкомъ тяжелъ, что на немъ однихъ галуновъ полпуда, и велятъ Сидоркѣ выйти вонъ; но перепуганный Семенъ хватается за него, говоря, что надобно иногда угождать старымъ людямъ, и уходитъ съ Сидоркою въ боковую комнату нарядиться въ этотъ кафтанъ.

Лукерья, (*въ слѣдъ Семену.*) Какой умъ! Какая острота!

Фекла. Какое благородство! Какая чувствительность!

Лукерья. Какъ видна ловкость во всякомъ пальчикѣ маркиза!

Фекла. Въ каждомъ суставчикѣ примѣтно что-то необыкновенное, привлекательное!

Потомъ, поговоривъ съ пренебреженіемъ о русскихъ женишкахъ, каковы, напримѣръ, Хопровъ и Танинъ, и желая быть маркизшами или виконтессами, и задумавъ какія-то проказы, онѣ уходятъ.

Является Семенъ, одѣтый во французскій кафтанъ и напудренный. Сидорка по его приказанію вноситъ въ расходную книгу, что деньги получилъ маркизъ Глаголь, и уходитъ, удивляясь странной фамиліи, взятой изъ русской азбуки.

Даша. Ну, мой безцѣнный маркизъ Глаголь.

Семенъ. Ну, моя маркизша.

Даша. Не свербитъ-ли у маркиза спина?

Семенъ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ, королева моя! Нѣтъ, да полюбуйся-ка.... Чѣмъ я не баринъ? Чѣмъ не маркизъ? Что, каково меня одѣли?

Даша. Прекрасно! Только каково-то тебя раздѣвать будутъ? Мнимый маркизъ говоритъ, что уже двѣсти рублей въ карманѣ, а если удастся столько же выманить отъ красавицъ, то онъ сложитъ съ себя маркизство, распрощается съ своимъ бариномъ, и завтра же съ Дашею отправится въ Москву, откроетъ тамъ цырюльню, или лавочку съ пудрой, помадой и духами.

Входятъ барышни. Онѣ заперли въ своей комнатѣ няню Василису, а Дашу посылаютъ на крыльцо стеречь пріѣздъ Хопрова и Танина, и какъ скоро они пріѣдутъ, отдать имъ письма. Такимъ образомъ оставшись однѣ съ маркизомъ, онѣ атакуютъ его французскимъ языкомъ; онъ всячески отъ нихъ отбивается, потому, что далъ слово ихъ отцу не говорить съ ними по-французски, а еще болѣе потому, что ни бельмеса не знаетъ по-французски. Напрасно онѣ просятъ, заклинаютъ, осыпаютъ его упреками. Barbare, impitoyable, cruel!..—Ни слова, не отвѣчаетъ онъ, ни полслова, ни четверть слова. Онѣ бѣгаютъ, гоняются за нимъ до того, что онъ, выбившись изъ силъ, падаетъ въ кресла. Наконецъ входитъ няня Василиса, которую Даша освободила изъ заключенія.

Велькаровъ, встрѣтившій Дашу и отобравшій у нея письма своихъ дочерей, входитъ, негодуетъ на запрещеніе ихъ Хопрову и Танину ѣздить въ его домъ. Онѣ отвѣчаютъ: «Воля ваша, батюшка, мы не хотимъ, чтобъ они и надежду имѣли на насъ жениться. Ахъ! не унижайте насъ, батюшка!

Фекла, (*становясь на колѣна.*)

Не будьте такъ жестоки, не заглушайте въ насъ благородныхъ чувствъ, и если ужъ одна изъ насъ должна носить русское имя, то позвольте хотя другой надѣяться лучшаго счастія.

Лукерья, (*на колѣняхъ.*)

Не будьте неумолимы! Ужели для васъ не привлекательно имѣть родню въ самомъ Парижѣ?

Входитъ Сидорка и говоритъ: Маркизъ Глаголь, ваша комната готова. Удивленный Велькаровъ, примѣтившій въ то же время смущеніе горничной, видитъ обманъ и требуетъ, чтобъ маркизъ разсказалъ дочерямъ его по-французски свои жалкія приключенія, какъ его ограбили; но Семенъ становится на колѣна, винится, что онъ не маркизъ и не Французъ, а вольный человѣкъ Сенька. Даша проситъ прощенія и ему и себѣ. Они объявляютъ, что давно любятъ другъ друга, что имъ не на что жениться; что не могши ничего достать съ русскимъ именемъ, Семенъ употребилъ невинную хитрость и назвался маркизомъ. Велькаровъ хотѣлъ-было сдѣлать разсчетъ на спинѣ Семена, но наконецъ умилостивился, простилъ его за то, что онъ далъ дочкамъ его урокъ, и велѣлъ ему и Дашѣ убраться вонъ изъ его дома; а дочерямъ объявилъ, что онъ выгонитъ изъ нихъ желаніе сдѣлаться маркизшами; что онъ останется два, три, десять лѣтъ въ деревнѣ, пока не бросятъ онѣ всѣхъ вздоровъ, которыми набила имъ голову любезная имъ мадамъ Григри; пока не перестанутъ восхищаться только тѣмъ, что носитъ не русское имя; пока не научатся скромности, вѣжливости и кротости, и пока не перестанутъ морщиться отъ русскаго языка.—Лукерья, уходя, восклицаетъ: Ah, ma soeur! а Фекла: Ah, quelle leçon!

—

Въ этой комедіи Крыловъ осмѣиваетъ пристрастіе къ французскому языку, свирѣпствовавшее преимущественно въ высшихъ сословіяхъ, пристрастіе столь вредное государству, потому, что слѣдствіемъ онаго неизбѣжно бываетъ пренебреженіе къ отечественному языку и слѣпая любовь ко всему иностранному. Изъ всѣхъ русскихъ писателей, возставшихъ противу этого зла, Крыловъ сильнѣе и рѣшительнѣе поразилъ его. Изобрѣтеніе въ этой комедіи очень удачно, ходъ ея занимателенъ, характеры вѣрны, разговоры превосходны. Модная лавка и Урокъ дочкамъ имѣли удивительные успѣхи, игрались безпрестанно на театрѣ и—что производитъ только могущество великаго таланта—привлекли въ театръ, для выслушанія уроковъ автора—высшее сословіе публики.

XII. Иванъ Андреевичъ, еще прежде Модной лавки, написалъ три дѣйствія комедіи въ прозѣ: *Льнивый*. Онъ читалъ ее въ домѣ графа Чернышева. Замѣчательно, что герой комедіи еще не являлся въ продолженіе первыхъ трехъ дѣйствій, и неизвѣстно, въ которомъ дѣйствіи вывелъ бы его сочинитель. Чтеніе этой комедіи принесло величайшее удовольствіе слушателямъ, и авторъ былъ осыпаемъ похвалами; но мы не услышимъ ни одного слова изъ этого произведенія; оно погибло невозвратно. Авторъ, уходя изъ дома графа, забылъ измаранныя свои тетради въ прихожей, и, подражая герою своей комедіи, или, лучше сказать, будучи самъ образцомъ ему, долго не требовалъ ее; а когда потребовалъ, то узналъ, что служители того дома, видя валяющіяся въ прихожей измаранныя бумаги, издержали ихъ, до послѣдняго листа, на обвертку свѣчей.

Еще къ литературнымъ, невозвратнымъ утратамъ надобно причислить двѣ сцены изъ комедіи въ стихахъ, которую, (помнится въ 1820 году, или и еще нѣсколько позже) задумалъ онъ написать. Названія комедіи не помню; да едва-ли она имѣла названіе; но эти двѣ сцены читалъ мнѣ Иванъ Андреевичъ. Я только то помню, что сцены шли отмѣнно живо, что стихи этихъ сценъ равнялись съ совершенствомъ стиховъ лучшихъ его басень. Въ послѣдствіи времени я просилъ у него этихъ отрывковъ, но онъ отвѣчалъ: *не знаю куда они дѣлись; ужъ не Фенюша ли ихъ прибрала*?

По выѣздѣ его изъ дома Императорской публичной библіотеки, когда уже сторожа принялись лопатами и метлами чистить его чердакъ, помня объ этихъ драгоцѣнныхъ отрывкахъ, и еще надѣясь ихъ найти, я бросился туда, перебралъ всѣ изодранныя бумаги, но ихъ не нашелъ. Однако-жъ мой трудъ не былъ вовсе напрасенъ. Изъ изодранныхъ лоскутковъ я составилъ 13 басень. Это первоначальные, черновые его накидки, нѣкоторыя изъ нихъ въ двухъ и трехъ экземплярахъ. Но всѣ розыски мои о двухъ сценахъ въ стихахъ, остались безнадежными.

—

Такимъ образомъ испытавши себя почти во всѣхъ родахъ словесности, упражняясь въ чтеніи лучшихъ иностранныхъ писателей и углубляясь во всѣ изгибы и тайны отечественнаго языка, наконецъ Иванъ Андреевичъ, на 40 году отъ рожде-

нія, остановился на баснѣ. Этотъ рядъ поэмъ, по безконечному разнообразію предметовъ, въ него входящихъ, требуетъ гибкаго и разнороднаго дарованія. Крылова щедро одарила природа своими дарами; онъ прошелъ уже бурную половину своей жизни, былъ уже приготовленъ и лѣтами, и ученіемъ, и опытомъ жизни, чтобы истины представить въ ихъ священной чистотѣ и дать безошибочно человѣческому роду полезныя наставленія. По счастію его, въ то время не было на горизонтѣ русской словесности великаго оригинальнаго писателя въ какомъ бы то ни было родѣ, который бы заслонялъ его собою и вредилъ его успѣхамъ. Русская публика давно уже была ознакомлена съ этимъ родомъ поэзіи. Почти за полвѣка до него читали Сумарокова, хотя не въ весьма складныхъ стихахъ и часто въ нелѣпыхъ формахъ, но все-таки читали. Дмитріевъ и Хемницеръ сдѣлали басню не только пріятнымъ, но и любимымъ родомъ нашихъ читателей и установили ея слогъ. Слѣдовательно, все благопріятствовало нашему баснописцу, и Иванъ Андреевичъ первыми своими опытами, въ короткое время, поднялъ этотъ родъ на высочайшую степень, и слава его съ каждою баснею возрастала. И дѣйствительно, условному иносказанію придать всю силу истины, очаровать и усладить ею—есть высокое искусство, и въ то же время, поражая порокъ, кольнуть, можетъ быть, случайно чье-либо самолюбіе и распалить его злобу—есть подвигъ и самоотверженіе достойнаго поборника истины.

Знатнѣйшія лица столицы, начиная съ незабвеннаго графа А. С. Строганова, приглашали къ себѣ Крылова, съ восторгомъ слушали его чтеніе, и этотъ восторгъ перенесли съ собою и въ чертоги Государей. Императрица Марія Ѳеодоровна, радуясь всякому приращенію пользы, благъ и славы Россіи, пожелала слушать, и слушала Крылова, осыпала его милостивыми привѣтами, съ обычною своею благосклонностію. Императоръ Александръ приказалъ выдать ему всю нужную сумму на изданіе его басень, и въ скоромъ времени благоволилъ назначить Крылову первую пенсію.

Не такъ было съ Лафонтеномъ. При жизни, басни его цѣнились только въ небольшомъ кругѣ его знакомыхъ. Публика, увлеченная знаменитыми писателями, его современниками, Расиномъ, Мольеромъ и Буало, не обращала должнаго вниманія на его произведенія, и министръ Кольберъ, мстившій ему за сочиненную имъ элегію на несчастіе Фуке, своего соперника, не допустилъ баснописца до вниманія Людовика XIV, который одного Лафонтена обошелъ своими дарами и щедростію, и

если бъ не поддержали его нѣкоторые добрые и богатые люди, онъ едва-ли не былъ бы принужденъ идти по міру. Такъ могучій случай располагаетъ не только людьми, но и безсмертными произведеніями.

Басня есть истина, въ аллегорической оболочкѣ; въ ней дѣйствуютъ и люди, и животныя, и неодушевленные предметы. Она имѣетъ: завязку, дѣйствіе и развязку. Кажется, нѣтъ ничего легче басни; ихъ тысячи и на нашемъ языкѣ, въ томъ числѣ нѣсколько написанныхъ людьми отличныхъ дарованій; но басня Крылова, по его геніяльности въ этомъ родѣ, сдѣлалась недоступною въ нашей словесности — и едва-ли не навсегда.

Онъ началъ переводомъ и подражаніемъ Лафонтену, но заимствованное облекъ въ русскія формы, нашелъ новыя красоты, какъ въ вымыслѣ, такъ и въ подробностяхъ. Переводы его не были удовлетворительны; онъ почувствовалъ собственныя свои силы, могущество глубокаго русскаго ума и пошелъ одинъ своею дорогою, и здѣсь-то началась истинная слава его—и слава русской словесности. Какъ человѣкъ, онъ былъ умнѣе Лафонтена; какъ философъ, глубокомысленнѣе; какъ поэтъ, несравненно выше его. Разсказъ его легкій, быстрый, естественный, оживленъ умными шутками, веселостію, остротою, и такъ пріятенъ, что невозможно даже идеально представить себѣ что-либо совершеннѣе. Многія мысли его облечены и вылиты въ такія формы, которыя остаются тайнами его, тайнами геніяльными. Въ выводахъ и въ заключеніяхъ его часто прорывается та неодолимая сила эпиграммы, которая все обезоруживаетъ вокругъ себя. Эти-то золотыя, геніяльныя мысли вылились уже въ народъ, составили его собственность, обратились въ пословицы и въ приговоры его сужденій.

Поэзія, при всей своей очаровательности, нигдѣ не увлекла Крылова за предѣлы; онъ далъ ее своему читателю столько, сколько позволяетъ мудрая бережливость. И басни его, т. е., истины, облеченныя въ пріятныя формы аллегоріи, по чистотѣ и нравственности, сдѣлались какъ-бы собственностію однихъ дѣтей; но въ нихъ человѣчество вообще находитъ себѣ полезную пищу.

Языкъ его въ басняхъ есть вѣрный отголосокъ языка народнаго, но смягченный и очищенный опытнымъ вкусомъ. Онъ изучалъ его 40 лѣтъ, вмѣшиваясь въ толпы народныя, въ деревняхъ посѣщая вечеринки и посидѣлки, а въ городахъ рынки и торговые дворы; прислушивался къ разговорамъ народа, а иногда, чтобы вѣрнѣе изучить бытъ и нравы его, не гну-

шался—такъ самъ онъ разсказывалъ—заходить и въ тѣ мѣста, нѣкогда украшаемыя елкою, гдѣ, въ минуты разгула, или бурно веселится или тихо изливается охмѣлѣвшая душа смышленаго русскаго народа.

Однажды, это было въ 1805 году, перечитывая Лафонтена, онъ вдругъ почувствовалъ желаніе передать нѣкоторыя изъ его басень, своимъ языкомъ, русскому народу. Работа закипѣла, басни готовы; и первый, радушно и искренно одобрившій его начинаніе — былъ И. И. Дмитріевъ, самъ баснописецъ и превосходный литераторъ. Возвышенная душа его, хотя съ перваго уже полета, вѣроятно, предвидѣла, какъ высоко поднимется его соперникъ, не могла удержаться, чтобы не настаивать, не побуждать его трудиться въ этомъ родѣ. «*Это истинный вашъ родъ, наконецъ вы нашли его,*» сказалъ Дмитріевъ. Первыя басни Крылова появились въ 1806 году, въ Московскомъ Зрителѣ: 1) Дубъ и Трость. 2) Разборчивая Невѣста. 3) Старикъ и Трое молодыхъ. «Я получилъ, говорилъ издатель, Кн. Шаликовъ, сіи прекрасныя басни отъ И. И. Дмитріева. Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу, и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему.... Имя любезнаго поэта обрадуетъ конечно и читателей моего журнала такъ, какъ обрадовало меня.» Въ Драматическомъ Вѣстникѣ (1808 года) были напечатаны многія басни Крылова.

Въ это время я познакомился съ Иваномъ Андревичемъ; казалось, онъ любилъ читать мнѣ новыя свои, прямо съ станка, произведенія, видя, какъ каждое игривое его выраженіе радовало меня, и какъ искренно было мое восхищеніе! Онъ продолжалъ это и въ послѣднія времена, но всегда спрашивалъ: «*да не устарѣлъ-ли, не ослабѣлъ-ли ужь я?*»

Иванъ Андреевичъ любилъ дѣлать первыя накидки своихъ басень на лоскуткахъ, съ которыхъ переписывалъ на листочки, поправлялъ и снова переписывалъ. Я уже сказалъ, что мнѣ удалось спасти отъ истребленія нѣсколько такихъ, уже изодранныхъ, черновыхъ его рукописей и лоскутковъ. На одну изъ его басень есть у меня три экземпляра: самый первый, разумѣется, болѣе перемаранъ; слѣдующіе, постепенно, одинъ чище другаго. Въ каждомъ изъ нихъ есть измѣненія; въ печатныхъ изданіяхъ нахожу новыя улучшенія; слѣдовательно, трудъ былъ вторымъ его геніемъ: умъ былъ изобрѣтателемъ, а трудъ усовершителемъ. Онъ держался стариннаго правила: *Cent fois sur le métier remettez votre ouvrage*, и проч. —*Я до тѣхъ поръ читалъ мои новые стихи*, говорилъ мнѣ Иванъ Андреевичъ: *пока нѣкоторые*

изъ нихъ мнѣ не принимаются, то есть, *перестанутъ нравиться; тогда ихъ поправляю или вовсе перемѣняю*. Этотъ-то неутомимый трудъ приводитъ всѣ части цѣлаго въ стройность и отчетливость; размѣщать слова, по требованію тончайшаго ума и вкуса; находить языкъ приличный каждому дѣйствующему лицу и каждому предмету; повѣрять слухомъ теченіе каждаго стиха, быть неумолимымъ критикомъ самого себя—дѣлаетъ слогъ писателя легкимъ, плавнымъ, естественнымъ, и намъ кажется, что онъ не стоилъ ему ни малѣйшаго труда.

Кто не помнитъ появленія первой книжки его басень и послѣдовательнаго умноженія? Мы всѣ читали ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ, повторяли, помнили наизусть и радовались прекрасному приращенію богатствъ отечественной словесности. Быстро распространяясь во всѣхъ сословіяхъ, онѣ скоро сдѣлались истинною потребностію народною.

Готовя новое изданіе, Иванъ Андреевичъ, обыкновенно, умножалъ его новою книжкою, заключавшею въ себѣ болѣе двадцати новыхъ басень; и тогда-то, послѣ значительнаго, а иногда, и долговременнаго отдыха, болѣе необходимаго въ умственныхъ, нежели въ физическихъ трудахъ, являлась въ немъ новая дѣятельность, и басни, созидаемыя богатымъ воображеніемъ, лились на бумагу, сыпались въ типографію. Потомъ опять наступалъ отдыхъ, во время котораго, особливо въ послѣднія десятилѣтія, Иванъ Андреевичъ, нѣкогда читавшій важныя сочиненія, любилъ читать романы, не по выбору, а только бы назывались романами, не пренебрегая и самыхъ глупѣйшихъ и стародавнихъ. «*Надобно дать отдыхъ уму*», говаривалъ онъ, и читалъ ихъ единственно для того, чтобы ни о чемъ серіозномъ не думать, и не сидѣть праздным. Доказательствомъ невниманія его къ этому машинальному чтенію служитъ то, что одну и ту же книгу, читанную за нѣсколько дней, забывшись, онъ снова перечитывалъ, и только при развязкѣ, которая сколько нибудь оставалась въ его памяти, онъ восклицалъ: «*Ахти, да, кажется, эту книгу я уже читалъ.*» Не смотря на это, случалось ему и въ третій разъ прочитать ту же самую книгу, съ тою же при концѣ приговоркою.

Нѣкоторыя басни Иванъ Андреевичъ заимствовалъ у Лафонтена, но Лафонтенъ не создалъ ни одной собственной, а все занялъ у Ѳедра, Пильпая, у Грековъ, у Римлянъ и у восточныхъ писателей; слѣдовательно вымыселъ давно существовалъ, и басня была готова: все достоинство въ разсказѣ. Правда и то, что Лафонтенъ смягчилъ сухость Ѳедра пріятнымъ разска-

зомъ; но Крыловъ, идучи по слѣдамъ знаменитаго французскаго поэта, во многомъ превзошелъ его. Долго было бы сравнивать и сличать ихъ басни; однако жъ взглянемъ бѣгло хотя на одну изъ нихъ; напримѣръ:

Моръ звѣрей.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри:
Въ адъ распахнулись настежь двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
Неумолимая, какъ сѣно, коситъ ихъ.
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы.
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ:
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ лиса, постится въ подземельѣ...
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врозь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ,
А безъ любви какое ужъ веселье?

Крыловъ, прочитавъ подобное начало басни въ Лафонтенѣ, написалъ свое, но это свое несравненно лучше: въ немъ болѣе поэзіи; кисть его сильнѣе и роскошнѣе. У Лафонтена нѣтъ, напримѣръ, этого прекраснаго изображенія:

Въ адъ распахнулись настежь двери.

Лафонтенъ продолжаетъ:

Le lion tint conseil et dit:

Крыловъ говоритъ:

Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ.
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души;
Сбрелись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши.

Эта превосходная картина прибавлена Крыловымъ. — Левъ покаялся прекрасною рѣчью, склонилъ къ покаянію и другихъ звѣрей, чтобы виновнѣйшаго изъ всѣхъ принести въ жертву.

За львомъ медвѣдь, и тигръ, и волки, въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья:
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ

Никто и шевелить не смѣлъ.
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ,
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.

У Лафонтена оселъ въ свою очередь кается въ грѣхахъ прекрасными стихами; но Крыловъ замѣнилъ его воломъ, не глупымъ, какимъ всегда принимается оселъ, но только простодушнымъ животнымъ, который говоритъ:

«И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ;
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ.»

Эта перемѣна и тѣмъ уже совершеннѣе, что въ рѣчи вола мы слышимъ мычаніе и столь естественное, что словъ его нельзя замѣнить другими звуками; а эта красота, которою нашъ поэтъ вездѣ пользуется и вездѣ съ крайнимъ благоразуміемъ, всегда приноситъ читателю истинное удовольствіе.

Такимъ образомъ, усовершая глубокимъ русскимъ умомъ произведенія знаменитаго Лафонтена, Крыловъ подражательно передалъ ихъ русской словесности; но онъ только началъ подражаніемъ, которое простирается до 30 басень; всѣ прочія — его собственное произведеніе; слѣдовательно ему принадлежитъ неоспоримо титло оригинальнаго русскаго писателя. Послушаемъ же его, играющаго на лирѣ, настроенной на русскіе лады, напримѣръ, въ баснѣ: Оселъ и Соловей.

Вотъ ея изобрѣтеніе. Авторъ, зная по опыту, а можетъ быть и собственному своему, сколько страдаютъ умные, талантливые люди отъ глупыхъ сужденій сильныхъ судей, и сколько вреда, а иногда и зла, отъ того проистекаетъ, хотѣлъ выставить на позоръ такихъ людей; и если онъ ихъ не исправилъ, — вѣдь дураковъ не переродишь, — то надѣлилъ русскую словесность восхитительнымъ стихотвореніемъ.

Оселъ увидѣлъ соловья
И говоритъ ему: послушай-ка, дружище,
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье?

Оселъ, котораго обличаютъ уже слова: *послушай-ка, дружище*, не довѣряя похваламъ другихъ, самъ хочетъ посудить о пѣніи соловья. Читатель предугадываетъ уже мудрое рѣшеніе его и любопытствуетъ слышать оное; авторъ съ самаго начала овладѣлъ уже его вниманіемъ.

Тутъ соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался,
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

Мы читывали когда-то утомительныя, скучныя описанія пѣнія соловья, но такого мелодическаго, мастерскаго концерта, даннаго намъ Крыловымъ, не случалось намъ читать ни на какомъ языкѣ. Предпослѣднимъ стихомъ очаровавши нашу душу и усладивши нашъ слухъ упоительною мелодіею, авторъ, какъ глубокій музыкантъ, оканчиваетъ свой концертъ гремучимъ, рокочущимъ стихомъ. Далѣе, какъ поэтъ, рисуетъ прелестную картину:

Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры.
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада ..

Подобныя фантазіи рождаются только въ головахъ такихъ людей, каковъ былъ Крыловъ. Очарованіе полное, нечего, кажется, болѣе прибавить; но нашъ поэтъ былъ и живописецъ. Въ богатомъ своемъ воображеніи онъ нашелъ еще прелестную картину, которая увѣнчиваетъ изображеніе и довершаетъ очарованіе, произведенное пѣніемъ соловья.

Чуть чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ.

Теперь послушаемъ, что̀ скажетъ судья, который хотѣлъ самъ посудить о пѣніи соловья.

Оселъ, уставясь въ землю лбомъ:
Изрядно, говоритъ: сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;

Это судъ обыкновеннаго невѣжды, которому недоступно изящное; но окончательный нелѣпый приговоръ глупца еще не высказанъ, вотъ онъ:

А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Вотъ приговоръ, отъ какихъ многіе, по слабости человѣческой природы, сходили съ ума, или погибали въ огорченіи. Изящество даровъ природы всегда сопровождается и живымъ воображеніемъ и чрезмѣрною чувствительностію, которыя легко раздражаются и все принимаютъ къ сердцу; да и соловей Крылова что̀ дѣлаетъ?

Вспорхнулъ и – полетѣлъ за тридевять полей.

Иванъ Андреевичъ, по какой-то особенной причинѣ, преимущественно любилъ свою басню: Ручей. Правда, изобрѣтеніе ея обличаетъ глубокаго мудреца, а исполненіе, плавность стиховъ, чистота языка—великаго художника, и кажется, она создана болѣе сердцемъ, нежели умомъ. Наблюдая человѣка и заглядывая въ исторію, авторъ видѣлъ, какъ трудно людямъ, при возрастающемъ ихъ могуществѣ, удержаться въ прежнихъ своихъ границахъ любви и умѣренности; что они, большею частію, по какому-то неизъяснимому дѣйствію ихъ страстей, не могутъ устоять ни въ прежнихъ своихъ правилахъ, ни въ прежнихъ своихъ добродѣтельныхъ наклонностяхъ. Нашъ авторъ излагаетъ и оплакиваетъ эту печальную истину слѣдующимъ образомъ.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно въ тоскѣ
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.

Это несчастіе нашло сострадающихъ и негодующихъ на виновника онаго.

Услыша пастуха ручей журчитъ сердито:
Рѣка несытая! что̀, если бъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.

Упреки кончены этими двумя прекрасными стихами. Защитникъ несчастнаго, еще слабый въ способахъ, теперь вникаетъ въ самого себя и изливаетъ свои чувствованія.

Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла:
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждаго кусточка.
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.

Какія прекрасныя чувствованія! Какія надежды въ будущемъ!

Такъ говорилъ ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И что́ жъ! не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась:
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! куда въ ручьѣ смиренность дѣлась!

Пожалѣемъ и мы вмѣстѣ съ авторомъ о непостоянствѣ природы человѣческой! Что́ жъ дѣлается?

Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы...
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ!

Какая сила и въ ручьѣ и въ стихахъ? Но эта сила до сихъ поръ кроткаго, сострадательнаго—дѣлается уже гибельною даже и тому, за кого прежде такъ великодушно онъ вступился.

И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Иванъ Андреевичъ, зная всю силу своего литературнаго оружія, т. е., сатиры, выбиралъ иногда случаи, чтобы не промахнуться и мѣтко попасть въ цѣль; вотъ доказательство. Въ Бе-

сѣдѣ русскаго слова, бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили его прочитать одну изъ его новыхъ басень, которыя тогда были лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную піесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель отдѣленія А. С. Хвостовъ, сидѣвшій противъ него за столомъ, вполголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ, что, привезли?—Привезъ.—Пожалуйте мнѣ.—Вотъ ужо, послѣ.—Длилось чтеніе, публика утомилась, начинали скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана піеса. Тогда Иванъ Андреевичъ руку въ карманъ, вытащилъ измятый листочекъ, и началъ: *Демьянова уха.* Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и приноровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за скуку ея, и развеселилъ ее прелестью своего разсказа

Онъ читалъ столь же превосходно, сколь превосходны его басни: непринужденно, внятно, естественно, но притомъ весьма музыкально, легко опираясь голосомъ на удареніяхъ смысла, и наивно произнося сатирическія свои заключенія. Болѣе 8 лѣтъ передъ кончиною, онъ ничего не писалъ, а болѣе 10 какъ вовсе пересталъ читать свои басни. Разъ у меня на вечерѣ, одинъ изъ превосходнѣйшихъ фортепьянистовъ — любителей, изящно выказавши весь свой талантъ передъ собраніемъ и восхитивши до изступленія Ивана Андреевича, въ свою очередь попросилъ его прочитать хоть одну басню; всѣ присутствующіе подкрѣпили его просьбу; но Иванъ Андреевичъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, мой другъ, не могу, право не могу.—И вы, когда доживете до моихъ лѣтъ, перестанете такъ играть: силъ не хватитъ?» Это доказываетъ, что чтеніе его, какъ ни казалось намъ легко и просто, ему стоило труда и требовало свѣжихъ душевныхъ силъ.

Читатель пожелаетъ, можетъ быть, знать исторію каждой оригинальной его басни, т. е., случаи, побудившіе автора къ изобрѣтенію той или другой изъ нихъ. Безъ сомнѣнія, случаи эти были, и самъ желалъ бы ихъ знать; но эту тайну авторъ унесъ съ собою въ могилу. Мы знаемъ ключъ только къ нѣкоторымъ, весьма не многимъ, но по весьма уважительнымъ причинамъ, не можемъ передать читателю.

Честный и разумный поборникъ правды, наставленія давалъ онъ съ кротостію, а порокъ преслѣдовалъ нещадно, особливо

взятки и взяточниковъ, которымъ посвятилъ очень много басень, даже иногда повторяя самого себя; но правда хотя поражаетъ въ баснѣ не лице, а вообще порокъ, встрѣчала иногда преграды, и послѣдняя басня его: *Вельможа*, написанная въ 1835 году, которою онъ заключилъ свое ей служеніе, и которая оканчивается стихами:

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну такъ и кажется, что быть ему въ раю!

долго оставалась въ его кабинетѣ, какъ бы подъ спудомъ, и тогда только явилась въ публику, когда авторъ самъ лично, въ присутствіи всего двора имѣлъ счастіе прочитать ее Государю Императору. Это было въ 1836 году.

Изданія басень Крылова.

		экз.
1809.	Первая тетрадка, содержащая въ себѣ 22 басни, напечатана въ типографіи Губернскаго правленія	1,200
1811.	Вторая, тамъ же	1,200
—	Третья, напечатанная въ Театральной типографіи.	1,200
1815.	Изданіе съ виньетами А. Н. Оленина, въ трехъ частяхъ.	3,000
1816.	Изданіе Ильина, въ 4-хъ частяхъ. . . .	1,200
	5-я часть особенно отпечатана	1,200
1819.	Изданіе типографщика Похорскаго, въ 6-ти частяхъ	6,000
1825.	Изданіе книгопродавца Сленина, съ картинками, въ 7-ми частяхъ	10,000
	Съ 1830 по 1840 годъ, книгопродавецъ Смирдинъ издавалъ ихъ въ разныхъ форматахъ, числомъ.	40,000
1843.	Послѣднее изданіе самого автора, безъ картинокъ, въ 9-ти частяхъ.	12,000
	Всего. . .	77,000.

Самое это число проданныхъ экземпляровъ доказываетъ, съ какою жадностію читались басни Крылова. Съ этимъ итогомъ, единственнымъ явленіемъ въ нашей словесности, никакое сочиненіе на русскомъ языкѣ не можетъ не только состязаться, но

и приблизиться къ нему. Не мудрено: ими усладились и дѣти, и старцы, и простолюдины, и вельможи. Онѣ составили въ полномъ смыслѣ русскую, народную книгу.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ, какъ писатель, особливо какъ баснописецъ, поднялся на высоту совершенства, едва ли кому-либо досягаемую; какъ человѣкъ, представляетъ въ частной своей жизни много забавнаго, проказливаго, остроумнаго, даже чуднаго. Видѣвшіе его въ обществахъ, въ публикѣ, имѣютъ поверхностное понятіе о человѣкѣ. Они видѣли въ немъ знаменитаго баснописца, умнаго, просвѣщеннаго представителя отечественной словесности; но онъ былъ тогда въ парадѣ. Постараемся сослѣдить его сколько можно ближе, въ разныя эпохи его жизни, и въ разныхъ обстоятельствахъ подмѣтимъ сокровеннѣйшія движенія страстей и души его; заглянемъ въ домашній бытъ и на причуды его, и тогда мы будемъ имѣть полное понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ.

На 14 году своего возраста, выпорхнувъ изъ родительскаго крова, изъ-подъ крыла доброй своей матери; не имѣя, въ нравственномъ отношеніи, никакой надъ собою власти, онъ былъ совершенно свободенъ. Въ это время, всякій молодой человѣкъ много зависитъ отъ круга товарищей и знакомыхъ, въ который онъ вступитъ; подъ ихъ вліяніемъ развиваются и дозрѣваютъ его способности, улучшается или развращается его нравственность, и характеръ получаетъ тѣ рѣзкіе сгибы, которые въ-послѣдствіи едва-ли изгладить можно. По счастію, первыя сѣмена нравственности, посѣянныя любовью нѣжной матери, глубоко въ немъ укоренились; страсть къ ученію и образованію себя чтеніемъ; перо, пробовавшее изливать на бумагу мысли и движенія души его—много предохраняли его отъ дурныхъ сообществъ; однако жъ въ первыхъ его произведеніяхъ отзывается нѣсколько, какъ мы уже видѣли, тотъ вкусъ, образъ мыслей, выраженія, повадки и замашки, которые онъ невольно заимствовалъ отъ окружавшаго его общества, отъ литературныхъ товарищей и друзей; но этотъ періодъ его жизни мнѣ мало извѣстенъ, и я не могу сообщить подробностей, кромѣ случайно слышанныхъ отъ самого Ивана Андреевича, или отъ короткихъ его знакомыхъ.

Въ домашнемъ быту и обхожденіи, И. А. былъ отмѣнно радушенъ, пріятно разговорчивъ, но искренъ рѣдко и только съ ближайшими, испытанными друзьями.—Онъ все хвалилъ изъ учтивости, чтобы никого не огорчить; но въ глубинѣ души своей немного одобрялъ. Нѣкто изъ писателей напечаталъ въ предисловіи къ плохому и вездѣ отверженному своему сочиненію,

похвалы, слышанныя имъ отъ Ив. Ан.—Вотъ вамъ конфекта за неосторожныя ваши похвалы,—сказалъ ему Н. И. Гнѣдичъ; но Ив. Ан., забывши этотъ урокъ, продолжалъ слѣдовать постоянной своей системѣ.

Есть люди, которые живутъ только по разсчетамъ холоднаго ума; другіе, напротивъ, движутся однимъ сердцемъ; это неполные дары природы. Совершеннѣйшіе характеры тѣ, въ которыхъ природа уравновѣсила чувствительность сердца съ способностями ума. Крыловъ, не дѣлавшій умышленно зла, честный въ высокой степени, не чуждый даже тайныхъ благодѣяній и, въ полномъ смыслѣ слова, добрый человѣкъ,—принадлежалъ болѣе къ первому разряду, и—физическая-ли тяжесть, крѣпость-ли нервовъ, любовь-ли къ покою, лѣнь и безпечность, или чуждость семейныхъ связей были тому причиною, что его не такъ то легко было подвинуть на одолженіе или на помощь ближнему. Онъ всячески отклонялся отъ соучастія въ судьбѣ того или другаго. Всѣмъ желалъ счастія и добра, но въ немъ не было горячихъ порывовъ, чтобы доставить ихъ своему ближнему.

Никогда не замѣчено въ немъ какихъ-либо душевныхъ томленій; онъ всегда былъ покоенъ.

Не имѣя семейства, ни родственныхъ заботъ и обязанностей, не зналъ онъ ни раздирающихъ иногда душу страданій, ни сладостныхъ, упоительныхъ восторговъ счастія семейственной жизни. Сытный, хотя простой обѣдъ, и преимущественно русскій, какъ напримѣръ: добрыя щи, кулебяка, жирные пирожки, гусь съ груздями, сигъ съ яицами, и поросенокъ подъ хрѣномъ—составляли его роскошь. Устрицы иногда соблазняли его желудокъ, и онъ уничтожалъ ихъ не менѣе 80, но никакъ не болѣе 100, запивая англійскимъ портеромъ. По окончаніи трапезы дома, или въ Англійскомъ клубѣ, который онъ постоянно посѣщалъ болѣе 35 лѣтъ, или въ знакомыхъ домахъ, онъ любилъ, по русскому обычаю, отдохнуть и вздремнуть. Въ Англійскомъ клубѣ долго оставалось не закрашеннымъ пятно на стѣнѣ, сдѣланное его головою, покопившеюся послѣ сытнаго обѣда. Тамъ намѣревались поставить бюстъ его. Вечеромъ, опять отправлялся онъ иногда въ театръ, а чаще всего въ Англійскій клубъ, гдѣ никто не обязанъ чиниться другъ передъ другомъ и гдѣ царствуетъ удобность и приволье. Тамъ онъ игралъ по временамъ въ карты, или держалъ заклады при биллiардной занимательной игрѣ. Домой возвращался, въ прежнія времена, поздно ночью, но съ приближеніемъ старости постепенно сокращалъ ночныя свои посидѣлки.

Бѣдности, крайнихъ нуждъ во вторую половину жизни онъ

не испытывалъ; всегда имѣлъ достаточно для своего содержанія, даже по временамъ достаточно для выполненія нѣкоторыхъ своихъ фантазій, и чуждый, какъ намъ извѣстно, семейственныхъ обязанностей, онъ проводилъ безбрачную, беззаботную, грустную въ глазахъ добраго семьянина, но, по его образу мыслей, счастливую и спокойную жизнь. По утрамъ и вечерамъ всегда находили его обыкновенно въ дирявомъ, изношенномъ халатѣ, а иногда и въ одной рубашкѣ, босикомъ или въ туфляхъ, сидящаго на испачканномъ и истертомъ его тяжестію диванѣ, съ сигаркою въ одной рукѣ, которыхъ истреблялъ онъ въ день отъ 35 до 50, и съ книгою въ другой, которыя въ послѣднія десятилѣтія онъ читалъ иногда изъ любопытства, какъ новость въ русской словесности, и по большей части для препровожденія времени.

Прислуга его обыкновенно состояла изъ двухъ или трехъ женщинъ и кучера, а въ послѣднее время онъ уже держалъ и лакея. Опрятностію и домашнимъ устройствомъ, до переѣзда на Васильевскій Островъ, онъ не щеголялъ; да этого, по состоянію у насъ прислуги, — и быть не можетъ у одинокаго холостяка. Самъ онъ, по тучности и естественной лѣности, не могъ смотрѣть за хозяйствомъ, а наемныя, простыя бабы, удовлетворяя только первѣйшимъ потребностямъ человѣческимъ, ни о чемъ не радѣютъ, да и не разумѣютъ: что̀ такое чистота и порядокъ. Ихъ дѣло истреблять и портить все то, что господинъ ихъ, выведенный уже изъ терпѣнія, заводитъ и по временамъ устраиваетъ. Такъ одна изъ нихъ — Фенюша, растапливала печи Греческими его классиками!

Иногда, будучи при деньгахъ, Крыловъ позволялъ себѣ, какъ дитя, забавныя фантазіи. Нѣкогда собиралъ онъ картины и рѣдкія гравюры, потомъ сбылъ гравюры куда-то всѣ до одной; картины однако жъ сохранились у него до самой его кончины. Иногда крайняя неопрятность вдругъ замѣнялась изысканною роскошью; послѣ чрезмѣрной осторожности, иногда слѣдовала чрезмѣрная неосторожность. Однажды наскучила ему чернота и неопрятность его быта; онъ перемѣнилъ почернѣвшія отъ времени рамки всѣхъ своихъ картинъ; завелъ новую мебель; купилъ серебряный, богатый столовый сервизъ; полъ устлалъ прекраснымъ англійскимъ ковромъ; купилъ у Гамбса лучшую горку краснаго дерева, за 400 р., наставилъ на нее множество прекраснаго фарфора и хрусталя; завелъ нѣсколько дюжинъ полотнянаго и батистоваго бѣлья. Показывая мнѣ расходную свою книжку: «*Вотъ посмотрите сами*, говорилъ онъ: *это стоитъ мнѣ болѣе 10,000 рублей.*» И нѣсколько лишь дней все это было

въ порядочномъ видѣ. Недѣли черезъ двѣ вхожу къ нему, и что же вижу? На коврѣ насыпанъ овесъ; онъ заманилъ къ себѣ въ гости всѣхъ голубей Гостинаго двора, которые пировали на его коврѣ, а самъ онъ сидѣлъ на диванѣ съ сигаркою и тѣшился ихъ аппетитомъ и воркованьемъ. При входѣ каждаго, голуби стаею поднимались, бренчали его фарфоры и хрустали, которые, убавляясь со дня на день, наконецъ вовсе исчезли, и на горкѣ, нѣкогда блиставшей лаковымъ глянцемъ, лежала густая пыль, зола и кучи сигарочныхъ огарковъ. А коверъ? О коврѣ не спрашивайте: голуби привели его въ самое плачевное состояніе. Къ числу этихъ роскошныхъ затѣй принадлежитъ и садъ, въ который однажды ему вздумалось превратить свою квартиру. Онъ купилъ до 30 кадокъ съ деревьями, лимонными, померанцовыми, миртовыми, лавровыми и разными другими, и такъ заставилъ свои комнаты, что съ трудомъ проходилъ и ворочался между ними.—Но этотъ эдемъ его, оставленный безъ наздора и поливки, завялъ, засохъ и въ короткое время исчезъ.

Крыловъ не былъ охотникъ до туалета; чаще бывалъ онъ немытый и нечесанный, и если, по настоянію друзей, присылавшихъ къ нему портнаго, заводилъ хорошее платье, оно недолго оставалось у него такимъ; некому было присмотрѣть ни за нимъ, ни за его вещами. Въ 1824 году, 7-го ноября, въ день наводненія, когда вода, безпрестанно поднимаясь, залила уже дворы, на пол-аршина и болѣе, боясь, чтобъ холостяки, мои сосѣди Крыловъ и Гнѣдичъ, сбиравшіеся обѣдать въ гостяхъ, не остались голодными, я велѣлъ прорубить перегородку, раздѣлявшую наши чердаки, и взявши ихъ обоихъ, повелъ въ свою квартиру. Вдругъ вижу: на веревкѣ виситъ медвѣжья шуба, на палецъ покрытая пылью и паутиною. Не ваша-ли это, Иванъ Андреевичъ? — *Да, кажись, моя*, отвѣчалъ онъ съ усмѣшкою. *Экая Фенюша! что бы ей присмотрѣть за моимъ добромъ.*

Когда великодушная Монархиня Марія Ѳеодоровна пригласила его больнаго погостить у нея въ Павловскѣ, и когда онъ, окончивши съ особеннымъ тщаніемъ свой нарядъ, шелъ уже къ обѣду Ея Величества, и поднявшись по лѣстницѣ, былъ уже у входа въ залу, тогда А. Н. Оленинъ, который долженъ былъ представить его Императрицѣ, обратившись къ нему, сказалъ: «Дай-ка взглянуть на тебя, Иванъ Андреевичъ, все-ли на тебѣ въ порядкѣ?—*Какъ же, Алексѣй Николаевичъ, не ужто я пойду неряхой во дворецъ? На мнѣ новый мундиръ.*—Да что это за пуговицы на немъ?—*Ахти, онѣ еще въ бумажкахъ, а мнѣ и невдомекъ ихъ раскутать!*

Иногда разсѣянность его доходила до того, что онъ клалъ въ свой карманъ, вмѣсто носоваго платка, все, что̀ ни попадалось въ руки, свое или чужое. За обѣдомъ сморкалъ онъ иногда то чулкомъ, то чепчикомъ, которые вытаскивалъ изъ своего кармана. Перчатокъ онъ никогда не носилъ, ни лѣтомъ, ни зимою, почитая ихъ безполезнымъ излишествомъ.—*Я вѣчно ихъ теряю*, говорилъ онъ: *да и руки у меня не зябнутъ*.

Онъ былъ чрезвычайно сильнаго сложенія, и щеголялъ какъ желудкомъ, такъ и здоровьемъ. Живучи нѣкогда въ домѣ Рибаса, что теперь Его Высочества, принца Ольденбургскаго, онъ ходилъ купаться въ каналъ, омывающій съ этой стороны Лѣтній-садъ. Купался весь сентябрь и октябрь мѣсяцъ, наконецъ, въ ноябрѣ, рѣки покрылись льдомъ, а онъ все-таки, скачкомъ проламывая ледъ, продолжалъ купаться до сильныхъ морозовъ.

Съ желудкомъ своимъ иногда онъ дерзалъ на такіе подвиги, которые приводятъ въ ужасъ. Однажды приказалъ онъ приготовить къ своему обѣду пряженыхъ пирожковъ. Ихъ подали въ свое время, и онъ скушалъ цѣлый десятокъ, потомъ спохватился, что въ нихъ былъ какой-то странный привкусъ да и цвѣтъ необыкновенный. Кликнулъ кухарку; нѣтъ ея, она ушла въ лавочку. Онъ пошелъ самъ въ кухню, видитъ: на очагѣ стоитъ кастрюля, нечищенная и нелуженная съ незапамятныхъ временъ, заглянулъ въ нее: зеленые пирожки, т. е., покрытые ярью, плавали въ зеленомъ маслѣ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ—имъ овладѣло искушеніе, числомъ ихъ было шесть.—*Да что*, подумалъ онъ: *вѣдь это ничего; съѣлъ же я десятокъ, а шесть куда не шли*! да и спровадилъ ихъ въ свой богатырскій желудокъ. — Слыша жалобы молодыхъ людей на слабость желудка, онъ улыбаясь говорилъ: *А я такъ бывало не давалъ ему потачки. Если чуть онъ задуритъ, то я наѣмся вдвое, такъ онъ себѣ какъ хочешь развѣдывайся*.

Живучи въ Павловскѣ, ласкаемый благотворительною Монархинею, поправляясь въ здоровьѣ, Иванъ Андреевичъ являлся къ обѣду всегда съ хорошимъ аппетитомъ. Въ первый день приглашенія онъ сѣлъ и началъ управляться съ блюдами по порядку, ни о чемъ другомъ не думая. Тогда Юрій Александровичъ Нелединскій, сидѣвшій за столомъ противъ него, сказалъ ему: «Иванъ Андреевичъ, да пропусти хоть одно блюдо и дай Императрицѣ возможность попотчивать тебя». Въ-послѣдствіи, Сама Государыня съ крайнимъ добродушіемъ заботилась о

немъ, и часто Своею рукою накладывала и посылала ему кушанья.

Любилъ покушать нашъ Иванъ Андреевичъ! Немногіе осмѣливались съ нимъ состязаться въ этомъ дѣлѣ; онъ выдерживалъ въ гастрономіи сильные поединки и всегда оставался побѣдителемъ.

Лѣтъ за 25 передъ симъ, приглашенный графомъ В. В. Пушкинымъ на макарони, т. е., на роскошный обѣдъ съ блюдомъ макароновъ, отлично приготовленныхъ какимъ-то знатокомъ Итальянцемъ, Иванъ Андреевичъ опоздалъ. —Семеро одного не ждутъ, сказалъ графъ, и сѣли за столъ. Когда уже оканчивали третье блюдо — это были знаменитые макароны,—нашъ Иванъ Андреевичъ шасть въ двери.—А! виноватъ! сказалъ весело графъ: такъ вотъ вамъ и наказаніе. Онъ наклалъ горою глубокую тарелку макароновъ, такъ, что они уже ползли съ ея вершины, и подалъ виновному. Онъ съ честію вынесъ это наказаніе. Ну, сказалъ графъ, это не въ счетъ, теперь начинайте обѣдъ съ супу по порядку; и третьимъ блюдомъ Ивана Андреевича опять была точно такая же гора макароновъ, потомъ обѣдъ продолжался своимъ порядкомъ. При концѣ пированія, сидя подлѣ Ивана Андреевича, я сказалъ ему нѣсколько словъ о его желудкѣ. — *Да что ему сдѣлается*, отвѣчалъ онъ смѣясь: *я пожалуй хоть теперь же еще готовъ провиниться.*

Иванъ Андреевичъ, не поддаваясь теоріямъ иностранныхъ врачей, держался русской старины: онъ плотно обѣдалъ, плотно и ужиналъ. Нѣкогда (лѣтъ за 15 передъ симъ), былъ онъ на вечерѣ у Ал. Ал. Перовскаго, который разъ въ недѣлю приглашалъ къ себѣ на бесѣду русскихъ писателей; передъ самымъ ужиномъ зашла рѣчь о томъ, здорово-ли ужинать? Мнѣнія были различныя: одни говорили, что они только завтракаютъ и обѣдаютъ, другіе, что они прежде ужинали, но доктора имъ запретили ужинать.—*А я такъ*, сказалъ Иванъ Андреевичъ, накладывая себѣ изрядную порцію стерляди подъ желе: *ужинать перестану навѣрное въ тотъ день, съ котораго перестану обѣдать.* Онъ сдержалъ свое слово. Въ предсмертные дни, поѣвши въ послѣдній разъ какой-то кашки съ протертыми рябчиками, онъ пересталъ и обѣдать и ужинать. Знать, желудокъ его, непзмѣнный слуга всей его жизни, не могъ сослужить послѣдней службы, и тѣмъ лишилъ *насъ незабвеннаго* Ивана Андреевича.

---

* По разсказу покойнаго Н. И. Гнѣдича, который самъ былъ удостоиваемъ чести быть приглашаемымъ къ столу Императрицы, въ Павловскѣ.

Чтобы вѣрнѣе изобразить его характеръ, я разскажу многіе случаи и анекдоты, въ которыхъ всякій человѣкъ вѣрно борисовывается, и которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

На одномъ литературномъ обѣдѣ, на который былъ званъ Иванъ Андреевичъ, и который начался залпами эпиграммъ нѣкоторыхъ людей противъ нѣкоторыхъ лицъ, Иванъ Андреевичъ, не кончивши супу, исчезъ. Я взглянулъ—мѣсто его пусто! обращаюсь глазами къ хозяину дома — и его мѣсто пусто. Спрашиваю хозяйку, она отвѣчаетъ: «Ему сдѣлалось дурно, онъ вышелъ вонъ. — Пришедшій между-тѣмъ хозяинъ повторилъ то же самое, прибавивъ, что Иванъ Андреевичъ, посидѣвши немножко на крыльцѣ, сказалъ: *Нѣтъ, что-то не здоровится, я ужъ лучше побреду домой*, и ушелъ. Рѣзкія выходки прекратились, обѣдъ продолжался мирно, и вечеръ прошелъ пріятно.

Я тотчасъ понялъ моего сосѣда, и на другой день зашелъ къ нему. Вчера вамъ сдѣлалось дурно, Иванъ Андреевичъ?—*Да*, отвѣчалъ онъ: *такъ что-то стошнилось*. И! полно-те, Иванъ Андреевичъ, я разгадалъ вашу тошноту. Вамъ опротивѣли неприличные разговоры за столомъ; но, вѣдь кто-жъ васъ не знаетъ: къ чистому не пристанетъ нечистое.—*Нѣтъ*, сказалъ Иванъ Андреевичъ: *все-таки лучше быть подальше отъ зла! Вѣдь могутъ подумать: онъ тамъ былъ, стало-быть дѣлитъ ихъ образъ мыслей*.

Кому не извѣстна эпиграмматическая острота ума его, смѣшанная съ пріятною шуткою? Ею наполнены его сочиненія; но я разскажу слѣдующіе случаи.

Въ Англійскомъ клубѣ, въ этомъ разнообразномъ и многолюдномъ обществѣ, онъ любилъ наблюдать людей, и иногда не могъ удержаться отъ сатирическихъ своихъ замѣчаній и отвѣтовъ. Однажды пріѣзжій помѣщикъ, любившій прилыгать, разсказывая о стерлядяхъ, которыя ловятся на Волгѣ, неосторожно увеличивалъ ихъ длину.—Разъ, сказалъ онъ: передъ самымъ моимъ домомъ, мои люди вытащили стерлядь. Вы не повѣрите, — но увѣряю васъ, длина ея вотъ отсюда... до... Помѣщикъ, не договоря своей фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, противоположному концу, гдѣ сидѣлъ Иванъ Андреевичъ. Тогда Иванъ Андреевичъ, хватаясь за стулъ, сказалъ: — *Позвольте, я отодвинусь, чтобъ пропустить вашу стерлядь!*

Нѣтъ сомнѣнія, что Иванъ Андреевичъ нѣкогда читалъ правила о баснѣ, какія только желалъ читать; но на одной брошюрѣ: *Нѣкоторыя мысли о сущности басни*, изданной однимъ

изъ плохихъ нашихъ баснописцевъ, и ему въ даръ присланной, которая теперь хранится у меня, написано его рукою слѣдующее:

Полезенъ ли другимъ, о баснѣ, сей урокъ,
Не знаю; а творцу бѣдняжкѣ онъ не въ прокъ.

Онъ любилъ самъ извлекать правила изъ самыхъ источниковъ, и потому-то иногда заглядывалъ въ первообразы этого рода поэзіи, и потому-то иногда находили его съ Эзопомъ въ рукѣ, скромно отвѣчающаго на вопросы:—*Учусь у него.* Отнынѣ надобно учиться у Крылова.

Когда удары отъ прилива крови къ головѣ начали поражать Ивана Андреевича такъ, что при второмъ ударѣ здоровье его сильно пострадало, доктора совѣтовали ему прохаживаться въ полуденное время. Неохотникъ до лекарствъ и докторовъ, въ этотъ разъ онъ послушался ихъ. Лѣтомъ онъ ходилъ на дачи, иногда очень отдаленныя отъ города, напримѣръ, въ Пріютино А. Н. Оленина. Однажды, пришедши ко мнѣ на Карповку, онъ сказалъ:—*До вашего дома отъ Гостинаго-двора четыре версты и столько-то шаговъ.* Онъ имѣлъ терпѣніе измѣрять шагами разстояніе. Осенью и зимою, въ дождливое и ненастное время, избралъ онъ для прогулки второй ярусъ Гостинаго-двора, который онъ обходилъ каждый день пять разъ кругомъ. Сидѣльцы нѣкоторыхъ лавокъ — кому они не надоѣдаютъ! — докучливые крикуны, выхваляя свои товары, обыкновенно зазываютъ прохожихъ въ свои лавки. Разъ они жестоко аттаковали Ивана Андреевича. У насъ самые лучшіе мѣха; пожалуйте-съ, пожалуйте-съ! схватили за руки и невольно втащили въ лавку. Иванъ Андреевичъ рѣшился ихъ проучить.—*Ну, покажите же что у васъ хорошаго?* Сидѣльцы натаскали ему янотовыхъ и медвѣжьихъ мѣховъ. Онъ развертывалъ, разглядывалъ ихъ: —*Хороши, хороши; а есть ли еще лучше?* Есть-съ. Притащили еще. — *Хороши и эти, да нѣтъ-ли еще получше?* Извольте-съ, извольте-съ. Еще разостлали передъ нимъ множество мѣховъ. Такимъ образомъ онъ перерылъ всю ихъ лавку. — *Ну, благодарствуйте,* сказалъ онъ наконецъ: *у васъ много прекрасныхъ вещей! прощайте!* — Какъ, сударь, да развѣ вамъ не угодно купить?—*Нѣтъ, мои друзья, мнѣ ничего не надобно; я прохаживаюсь здѣсь, для здоровья, и вы насильно затащили меня въ вашу лавку.*

Не успѣлъ онъ выйти изъ этой лавки, какъ сидѣльцы слѣдующей подхватили его.—У насъ самые лучшіе; пожалуйте-съ! и втащили его въ свою лавку. Иванъ Андреевичъ такимъ же

образомъ перерылъ весь ихъ товаръ, похвалилъ его, поблагодарилъ торговцевъ за показъ, и вышелъ. Сидѣльцы слѣдующихъ лавокъ, перешептываясь между собою и улыбаясь, дали ему свободный проходъ. Они уже узнали о его проказахъ изъ первой лавки, и съ тѣхъ-поръ онъ свободно и спокойно прогуливался по Гостиному-двору, и только откланивался на учтивые поклоны и веселую улыбку своихъ знакомыхъ сидѣльцевъ.

Развлеченіемъ въ домашнемъ быту служили Ивану Андреевичу нѣкогда скрыпка, чтеніе лучшихъ писателей на разныхъ языкахъ, а въ послѣднія времена сигарки и романы. На скрыпкѣ онъ нѣкогда игрывалъ квартеты, и этотъ талантъ усовершилъ онъ самъ собою, чтеніемъ теоріи и опытомъ; онъ даже хорошо изучилъ генералъ-бассъ. Лѣтомъ, когда еще онъ жилъ въ домѣ Рибаса, скинувъ съ себя все, кромѣ рубашки, услаждалъ себя гармоніею. Однажды въ такомъ неглиже, переселившись, такъ сказать, мыслію и чувствомъ въ свой смычокъ, стоя у окна лицемъ къ Лѣтнему-саду, гдѣ прогуливалась публика, предался онъ всему упоенію мелодическихъ напѣвовъ, не думая ни о публикѣ, ни о своемъ костюмѣ.

Но вотъ развлеченіе баснописца, вотъ гостепріимство его пернатой малюткѣ. Сидя на диванѣ противъ открытаго окна, онъ забавлялся наблюденіемъ смышлености, всѣхъ движеній и пріемовъ воробья. Воробей, почти вися на краю кровли сосѣдственнаго дома, растопыривши крылья и готовый уже вспорхнуть на окно, гдѣ насыпано было корму, и довѣриться ласковому хозяину, пріостановился при моемъ приходѣ. *Посмотрите*, сказалъ Иванъ Андреевичъ, *какъ онъ остороженъ! Это старый мой пріятель; онъ прилетаетъ ко мнѣ пообѣдать, но всегда съ крайнею осмотрительностію, а теперь ужъ его не скоро заманишь.*

Иванъ Андреевичъ иногда преслѣдовалъ свою мысль и не былъ спокоенъ, пока ее не выполнилъ, какого бы рода она ни была; твердой воли и терпѣнія у него былъ запасъ огромный, удивительный; но фантастическія его затѣи иногда были чудныя, и тому, что я теперь разскажу, едва-ли бы повѣрили, если бъ первому не были еще живы свидѣтели, а второе не самъ онъ разсказывалъ. Вотъ первое:

Увидѣвши Индѣйца, который, между многими пріятными штуками своего искусства, прекрасно играя свѣтящимися мячиками, наконецъ составлялъ изъ нихъ свѣтлый вѣнокъ вокругъ своей головы, нашъ Иванъ Андреевичъ, восхищенный его

игрою, затѣялъ испытать себя въ этомъ искусствѣ, говоря: *Вѣдь Индеецъ такой же человѣкъ, какъ я; почему жъ русскому не сдѣлать того же, что̀ дѣлаетъ Индеецъ?* Задумалъ да и за дѣло: досталъ себѣ такихъ же шаровъ, заперся въ комнатѣ, возился съ ними нѣсколько недѣль на разостланомъ коврѣ, и наконецъ сдѣлался Индейцемъ. Въ доказательство, что нѣтъ смертнымъ невозможнаго, онъ показалъ свое искусство въ одномъ семействѣ, къ которому сохранилъ по самый гробъ душевную, непритворную привязанность, разумѣется, тайкомъ, запершись (въ кабинетѣ А. Н. О.), да и бросилъ, какъ и всѣ свои опыты и затѣи, бросилъ и никогда болѣе объ этомъ и не думалъ.

Второе относится къ фантазіямъ молодости. Живучи въ помѣстьѣ Графа Татищева, Иванъ Андреевичъ предавался господствовавшей тогда въ немъ страсти — чтенію. Татищевъ, уѣзжая съ семействомъ своимъ на нѣкоторое время въ Москву, далъ Крылову на волю ѣхать съ ними, или остаться въ деревнѣ. Онъ избралъ послѣднее. Поваръ и библіотека остались въ его распоряженіи. Оставшись одинъ во всемъ домѣ, онъ задумалъ привести въ дѣйствіе одну изъ давнишнихъ своихъ причудъ: испытать бытъ перваго человѣка. Что̀ было причиною этой причуды, не знаю. Онъ отпустилъ себѣ бороду, отростилъ длинные ногти и волоса, и вотъ похаживаетъ по саду съ книгою. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ, углубленный въ чтеніе, слышитъ онъ близкій стукъ кареты, оглядывается, и что̀ же? Графъ и все его семейство передъ его глазами. При этой чудной, изумительной встрѣчѣ, въ каретѣ поднялся шумъ и крикъ, и нашъ Иванъ Андреевичъ въ ту же минуту исчезъ. Хозяинъ нашелъ его, велѣлъ выбрить, одѣть его, и снова покорилъ его общественнымъ законамъ. Тѣмъ и кончились проказы.

Я вспоминаю еще одинъ забавный случай, который разсказывалъ Иванъ Андреевичъ. Пріѣхавши откуда-то въ Москву съ княземъ Голицынымъ, бывшимъ нѣкогда Рижскимъ генералъ-губернаторомъ, и при которомъ въ 1801 и 1803 году онъ служилъ секретаремъ, онъ явился къ обѣду въ одномъ фракѣ, надѣтомъ на рубаху. — Куда это ты дѣвалъ свой жилетъ, братецъ? спросилъ у него князь. Какъ, жилетъ, князь? онъ на мнѣ. Глядь — и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ на немъ жилета. Иванъ Андреевичъ и самъ не могъ этому надивиться; онъ очень хорошо помнилъ, что надѣлъ его и, садясь въ карету, видѣлъ его на себѣ. Въ залѣ поднялся хохотъ; всякому казалось забавнымъ, что изъ подъ фрака потерянъ жилетъ. А это вотъ какъ случилось. Ѣдучи въ каретѣ въ жестокій морозъ, онъ высвободилъ

мало по малу свои руки изъ обоихъ рукавовъ и прижалъ ихъ покрѣпче подъ рубахою къ груди, чтобы ему было теплѣе; но когда надобно было выходить изъ кареты, онъ поспѣшно всунулъ свои руки въ рукава, но жилетъ между тѣмъ отъ дорожной тряски давно уже опустился и сползъ на низъ. Служители объявили, что жилетъ поднятъ у подъѣзда.

Прочитавши мои повѣствованія, читатель можетъ сказать: Мы знаемъ теперь много подробностей объ Иванѣ Андреевичѣ, какъ писателѣ; слышали объ немъ много забавнаго; частію знаемъ и характеръ его, но онъ все еще невполнѣ изображенъ, какъ человѣкъ. Вѣдь это не похвальное слово, а біографія. Не уже-ли въ немъ не было страстей? Этихъ главныхъ двигателей въ человѣкѣ. — Какъ не было! и даже очень сильныя! При всей философіи, умѣ и дарованіяхъ, онъ былъ человѣкъ, какъ и всѣ; не былъ изъятъ отъ слабостей и даже пороковъ. Онъ былъ вспыльчивъ иногда до крайности; любилъ отомстить своимъ врагамъ, особливо за оскорбленное самолюбіе. Вся комедія Проказники есть не что иное, какъ мщеніе, въ которомъ онъ и самъ въ послѣдствіи признавался и раскаявался. Многія басни получили свое начало въ этомъ источникѣ. Съ мирными онъ любилъ быть въ мирѣ, а съ задорными смѣло выходилъ на бой съ ужаснымъ своимъ оружіемъ — съ сатирою. Въ слѣдующемъ разсказѣ, вы увидите его во всей его душевной наготѣ. Гнѣдичъ, переводчикъ Иліады, ближайшій сосѣдъ, сослуживецъ, вседневный собесѣдникъ и добрый товарищъ его, человѣкъ высокой души и свѣтлаго ума, удрученный болѣзнію, оставляя службу и оканчивая литературное свое поприще, удостоился получить 6000 р. пенсіи отъ Государя Императора. Вдругъ Крыловъ пересталъ къ нему ходить; встрѣчаясь въ обществахъ, не говорилъ съ нимъ. Изумленный Гнѣдичъ, да и всѣ, видѣвшіе эту внезапную въ Крыловѣ перемѣну, не постигали, что̀ это значило. Такъ прошло около двухъ недѣль. Наконецъ, образумившись, Крыловъ приходитъ къ нему съ повинною головою: *Николай Ивановичъ, прости меня.* — Въ чемъ, Иванъ Андреевичъ? Я вижу вашу холодность и не постигаю тому причины. — *Такъ пожалуй же обо мнѣ, почтенный другъ: я позавидовалъ твоей пенсіи, и позавидовалъ твоему счастію, котораго ты совершенно достоинъ. Въ мою душу ворвалось такое чувство, которымъ я гнушаюсь.* Пламенный Гнѣдичъ кинулся къ нему на шею и въ ту же минуту все прошлое забыто.

Мы уже видѣли различныя способности Ивана Адреевича, которыми такъ щедро наградила его природа; знаемъ и опыты и проказы его въ разныхъ родахъ, и твердость воли выпол-

нить то, что онъ задумалъ; но пополнимъ эти свѣдѣнія новымъ, изумительнымъ доказательствомъ. Къ изученію языковъ онъ имѣлъ необыкновенную способность. Изученіе французскаго и нѣмецкаго языка начато было въ дѣтствѣ, еще въ родительскомъ домѣ; но перваго онъ не любилъ, а въ послѣднемъ усилился чтеніемъ. Италіянскому языку научился онъ въ молодости самъ собою; Англійскому уже на 53-мъ году, читая съ одною почтенною дамою, англичанкою. На 50-мъ году жизни вдругъ припала охота прочитать въ подлинникѣ греческихъ писателей. Объ этомъ завязался разговоръ; Гнѣдичъ возражалъ, что въ 50 лѣтъ, это трудно и поздно. Крыловъ утверждалъ, что никогда не поздно тому, у кого есть твердая на то воля, и не сказавши болѣе ни слова, онъ началъ по ночамъ читать библію на греческомъ языкѣ, сличая съ славянскимъ переводомъ, котораго близость дѣлала даже и словари ненужными. Потомъ купилъ полное собраніе греческихъ классиковъ и всѣхъ прочелъ. Это продолжалось два года; онъ глубоко изучилъ древній греческій языкъ, и никто не былъ участникомъ его тайны.

Однажды, сидя въ кабинетѣ А. Н. Оленина, и, говоря съ нимъ объ Иліадѣ Гомера, Гнѣдичъ сказалъ, что онъ затрудняется въ уразумѣніи точнаго смысла одного стиха, развернулъ поэму и прочелъ его. Ив. Ан. подошелъ и сказалъ: я понимаю этотъ стихъ вотъ такъ, и перевелъ его. Гнѣдичъ, жившій съ нимъ на одной лѣстницѣ, вседневно видавшійся съ нимъ, изумился; но почитая это мистификаціею проказливаго своего сосѣда, сказалъ: Полно-те морочить насъ, Ив. Ан., вы случайно затвердили этотъ стихъ да и щеголяете имъ! и, развернувъ Иліаду на-удачу: Ну вотъ, извольте-ко это перевести. Крыловъ, прочитавши и эти стихи Гомера, свободно и вѣрно перевелъ ихъ.—Тогда уже изумленіе Гнѣдича дошло до высочайшей степени; пылкому его воображенію представилось, что Крыловъ изучилъ греческій языкъ для того, чтобы содѣйствовать ему въ трудѣ его; онъ упалъ предъ нимъ на колѣна, потомъ бросился на шею, обнималъ, цѣловалъ его въ изступленіи пламенной души своей. Въ-послѣдствіи онъ настаивалъ, чтобы Ив. Ан., ознакомившись съ гекзаметромъ, этимъ роскошнымъ и великолѣпнымъ стихомъ Гомера, принялся бы за переводъ Одиссеи. Сначала Ив. Ан. сдался на его убѣжденія и дѣйствительно нѣкоторое время занимался этимъ дѣломъ; но въ-послѣдствіи, видя, что это сопряжено съ великимъ трудомъ, и, вѣроятно, не чувствуя особенной охоты къ продолженію, онъ рѣшительно объявилъ, что не можетъ сладить съ гекзаметромъ. Это огорчило Гнѣдича, и тѣмъ болѣе, что онъ сомнѣвался въ истинѣ этого отвѣ-

та.—Такимъ образомъ, прочитавши все, удовлетворивши свое любопытство, и наигравшись, такъ сказать, этою умною игрушкою, Ив. А. не думалъ болѣе о греческихъ классикахъ, которыхъ держалъ на полу подъ своею кроватью и которыми наконецъ Фен:, бывшая его служанка, растапливала у него печи. Небольшой отдирокъ Электры, трагедіи Софокла, ускользнувшій какъ-то отъ ея истребительной руки, найденъ мною на чердакѣ, и хранится у меня.

Отрывокъ Одиссеи, переведенный Ив. Ан., сохранился и мнѣ достался счастливымъ случаемъ; вотъ его гекзаметры:

Мужа повѣдай мнѣ, Муза, хитраго странствія многи,
Имъ понесенны, когда былъ священный Пергамъ испровергнутъ,
Много онъ видѣлъ градовъ и обычаевъ разныхъ народовъ,
Много, носясь по морямъ, претерпѣлъ сокрушеній сердечныхъ,
Пекшися всею душей о своемъ и друзей возвращеньи.
Но не спасъ онъ друзей и сподвижниковъ, сколько ни пекся.
Сами они отъ себя и своимъ безразсудствомъ погибли.
Буйные! тучныхъ воловъ они высокаго солнца
Пожрали! онъ на вѣкъ обрекъ ихъ не видѣть отчизны.
Ты, богиня и Діева дщерь, намъ все то повѣдай.
Всѣ ужъ иные, кого не постигла горькая гибель,
Въ домы свои возвратились, войны избѣжавши и моря;
Онъ лишь одинъ, по отчизнѣ тоскуя и вѣрной супругѣ,
Властью удержанъ былъ сильной, божественной нимфы Калипсы
Въ *утлыхъ*, прекрасныхъ пещерахъ; она съ нимъ узъ брачныхъ желала.
Годъ же когда совершился и новое лѣто настало,
Боги тогда присудили въ отчизну ему возвратиться,
Въ область Итаку; и тутъ не избѣгли трудовъ и злосчастій
Онъ и дружина его; боги всѣ къ нему умилились,
Только Посейдонъ одинъ гнѣвенъ жестоко былъ къ Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступилъ онъ на землю.
Но тогда былъ Посейдонъ далеко въ странѣ Еѳіоповъ:
Два еѳіопскихъ народа земли на концахъ обитаютъ,
Тамо, гдѣ солнце восходитъ и тамо, гдѣ солнце нисходитъ,
Жертвами тучныхъ воловъ и богатой стотельчною жертвой
Онъ отъ нихъ услаждался, боги же купно другіе
Были тогда на Олимпѣ, въ чертогахъ могущаго Дія.

Изъ всѣхъ привязанностей второй половины жизни Ив. Ан, привязанность къ просвѣщенному и добродушному семейству А. Н. Оленина была теплѣе и искреннѣе всѣхъ. Въ этомъ семействѣ, нѣкогда полномъ, цвѣтущемъ, радушномъ, гостепріимномъ, собирались и находили пріятный пріютъ и занимательную бесѣду всѣ знаменитѣйшіе русскіе писатели, начиная съ

Державина и Карамзина. Крыловъ почти ежедневно былъ тутъ, или на обѣдѣ, или на ужинѣ, или только на вечерней бесѣдѣ.—Пріятно ему было служить у такого начальника, который былъ ему и другомъ и благодѣтелемъ, и Меценатомъ! Чрезъ него лились на Крылова и милости двухъ Монарховъ: См. стихи къ Меценату. Пишущій сіи строки, въ теченіе 30 лѣтъ былъ участникомъ всѣхъ пріятностей этого дома, и безъ глубокаго чувства благодарности не можетъ вспоминать объ этомъ добродушномъ и почтенномъ семействѣ. Въ немъ читаны и оцѣнены были первые поэтическіе его опыты; въ немъ находилъ онъ искреннее и теплое участіе и въ радостяхъ и въ скорбяхъ своей жизни.—Мать этого семейства, почтенная Е. М. была изъ числа тѣхъ рѣдкихъ, разумныхъ, добродушныхъ дамъ, которыя, составляя счастіе своего семейства, разливаютъ его и на все ихъ окружающее. Это была олицетворенная доброта и участіе *. Въ ней нашелъ Ив. Ан. нѣжнѣйшую мать и преданъ ей былъ съ сыновнею горячностію, и знаменитый нашъ поэтъ слышалъ и любилъ слышать изъ устъ ея ласкательное себѣ названіе: Крылышко! Крылышко любилъ покоиться подъ крыломъ добрѣйшей, благодѣтельной своей матери, и согрѣтый ея заботливостію и попеченіями объ немъ, въ полнотѣ чувствъ однажды сказалъ ей: *Е. М.! Когда наступитъ мой часъ, я приду умереть къ вамъ, сюда къ вашимъ ногамъ.*—И въ самомъ дѣлѣ, когда отъ прилива крови къ головѣ, удары начали его поражать такъ, что при второмъ ударѣ покривилось его лицо, онъ, больной, дотащился до ихъ дома. «*Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня.* Доктора были призваны и всякая помощь была оказана больному съ материнскою нѣжностію; дошла вѣсть о немъ и до благотворной Монархини, и выздоровленіе Крылова довершилось подъ кровомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Павловскѣ, гдѣ авторъ излилъ благодарныя свои чувствованія прелестною баснею: *Василекъ.*—Но семейство это начало раздробляться, почтенные старички выбыли изъ міра, дѣти разлетѣлись въ разныя стороны; осталось одно воспоминаніе о прошломъ, и нашъ Иванъ Андреевичъ, лишенный этого теплаго и единственнаго пріюта для его души, оспротѣлъ и унылъ, живучи на Васильевскомъ-Островѣ одинокій, безсемейный и непримѣтно дряхлѣющій.

Иванъ Андреевичъ ни съ кѣмъ не велъ переписки, да и не

---

* Сказалъ П. А. Плетневъ.

любилъ писать писемъ, а потому, не имѣя въ этомъ навыка, затруднялся при самой ничтожной запискѣ, или не отвѣчалъ на письмо. Едва-ли насчитается десятка два или три писемъ, написанныхъ въ теченіе всей его 75-лѣтней жизни. Тѣмъ любопытнѣе будетъ всякому перечесть его письма, въ которыхъ онъ свободно и шутя выказываетъ самого себя, въ-расплохъ даетъ себя подслушать и ознакомиться съ письменнымъ его слогомъ. Эти письма писаны имъ къ дочери чтимаго имъ семейства. Вотъ они: 1-е, 1825 года, іюля 22.

«Какъ изобразить вамъ мои чувствованія, любезнѣйшая и почтеннѣйшая В. А., когда я получилъ ваше второе письмо, мою радость, мою благодарность—мой стыдъ. И вы еще столь добры, что ко мнѣ пишете и меня браните! Сказать однако жъ правду, я стою и того и другаго. По лѣни моей, мало бить меня; но по чувствамъ моимъ къ вамъ, право, я заслуживаю ваше снисхожденіе; ибо такую имѣть привязанность, какъ я къ вамъ, божусь, можно едва только найти въ собакѣ, а въ человѣкѣ рѣдко ее найдете. Продолжайте же быть такъ добры по прежнему, и подсластите уже остатокъ жизни того, который, хотя много имѣетъ слабостей и пороковъ, но съ увѣреніемъ можетъ сказать, что неблагодарность никогда не заглядываетъ въ его сердце.

«Не смотря на вашъ негодный ревматизмъ, я утѣшаюсь мысленно, воображая, какъ вы полнѣете. Продолжайте, продолжайте съ Богомъ, и въ добрый часъ, да хорошенько, такъ чтобъ сдѣлались оригиналомъ того портрета, который нѣкогда послали вы къ кузинѣ вашей Е. П. П. То-то бы я порадовался, и не пожалѣлъ бы опорожнить доброй бутылки шампанскаго за ваше здоровье съ будущими.

«Намѣреніе ваше заняться музыкой прекрасно. Я всегда утверждалъ, что у васъ къ ней врожденный талантъ, и сожалѣю, что онъ пропадаетъ безъ дѣйствія. Сколько пріятныхъ минутъ вы можете доставить и себѣ и всѣмъ тѣмъ, которые васъ любятъ, и въ числѣ которыхъ я не послѣдній. Что же касается до вашего голоса, то я никогда не буду противъ. Увѣряю даже, что вы можете пѣть очень пріятно, лишь бы не погнались за большими крикливыми аріями; въ нихъ часто болѣе шуму, нежели чувства, и видна одна претензія на превосходство, которая всегда вооружаетъ слушателя на пѣвца, есть ли это не первѣйшій талантъ.

«Итакъ вамъ пріятно въ Воронежѣ, что я замѣтилъ по письму вашему. Любя васъ, я этому очень радъ; себя любя, не совсѣмъ мнѣ это по сердцу, ибо отнимаете надежду скоро васъ

увидѣть; но какъ бы то ни было, будьте только здоровы и будьте счастливы. И тогда, если бъ я имѣлъ и волшебный жезлъ, которымъ махнувши, могъ бы васъ перенесть сюда, но какъ желаніе мое видѣть васъ ни велико (даже не ручаюсь, чтобъ я нѣсколько разъ не хватался за жезлъ), только бы вѣрно имъ не махнулъ, и не потревожилъ вашего счастія, особливо естьли бъ вы дали мнѣ слово, не смотря на мою лѣнь, иногда писать ко мнѣ. Вы не повѣрите, какой это для меня пріятный подарокъ, и сколько разъ я перечитывалъ ваше письмо. Я авторъ, и сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивъ; но естьли бъ я зналъ, что и мои стихи перечитываете столько же разъ, то бы я сдѣлался спѣсивѣе гр. Х., котораго впрочемъ никто не читаетъ.

«Теперь что̀ писать вамъ о Петербургѣ, о себѣ? Петербургъ нашъ похожъ на красавицу, которая наряжается и зѣваетъ. Что до меня, то по отпускѣ сего письма я, славу Богу, живъ и здоровъ, ѣмъ и сплю много, читаю вздоръ, пишу—ничего, и нахожу, что это довольно весело. Теперь сбираюсь къ себѣ, въ ваше Пріютино, гдѣ мнѣ никогда не можетъ быть скучно. И, кстати: если лѣто находится у васъ въ Воронежѣ, то нельзя ли сдѣлать милость отпустить къ намъ его на 28 дней? Вы бы очень насъ одолжили. За то, если случится вамъ нужда въ холодѣ, дождѣ и слякоти, то присылайте навѣрное къ намъ: мы рады вамъ служить сколько угодно: такіе-то мы люди добрые!

«Вы собираетесь въ Москву? Нельзя ли увѣдомить, когда вы туда поѣдете? Я уже нѣсколько лѣтъ также сбираюсь туда, и только раздумывалъ, какое время выбрать въ году. Зимой, хотя Москва и полна, но меня пугаетъ стужа и то, что ни садовъ, ни гуляньевъ не увидишь. Лѣтомъ Москва пуста, когда же ѣхать? Но естьли бы я васъ тамъ нашелъ, то всякое время въ году мнѣ показалось бы пріятно, и божусь (только не такъ какъ честный человѣкъ), что я бы тотчасъ сѣлъ въ дилижансъ и отправился бы безъ дальнихъ сборовъ. Право! эта мысль играетъ у меня въ головѣ такъ весело! такъ пріятно! я вижу, что вы смѣетесь и говорите: какой вздоръ, гдѣ ему ѣхать! Пошевелится-ли онъ? съ его лѣнью! это пустое.—Не вѣрьте же мнѣ, пожалуйста не вѣрьте, того-то мнѣ и хочется для того, чтобъ больше васъ удивить; только отпишите, а особливо, гдѣ вы остановитесь и какъ васъ сыскать? А тамъ увидимъ. Между-тѣмъ я буду.—Но не наскучилъ ли уже я вамъ? не заболталъ ли? Не пора-ли перестать? но нѣтъ, совсѣмъ не пора. Передо мною цѣлая десть бѣлой бумаги; но я милостивъ, и не хо-

чу довести васъ до зѣвоты! вѣдь это вамъ не здорово, а ваше здоровье для меня дорого, и увѣренъ, что вы въ этомъ не сомнѣваетесь! И такъ кончу на первый разъ, и естьли получу въ отвѣтъ, что вы все мое письмо вычеркнете, то жаль отмѣнно безконечныхъ посланій. Мнѣ всегда только первый шагъ труденъ, а тамъ меня не уймете.

«Будьте здоровы и счастливы и продолжайте любить того, который отъ всей души, отъ всего сердца и помышленія любитъ васъ (hony soit qui mal y pense!) и будетъ любить пока останется въ немъ сердце и память! NB. Прошу этого смѣлаго письма кромѣ Г. Н. * никому не показывать, а особливо тому, кто не знаетъ моихъ лѣтъ и моей фигуры. Прощайте, буди Божія милость съ вами.

«Вашъ искренній И. Крыловъ.»

«Г. Н. свидѣтельствую свое почтеніе и низко кланяюсь, хотя воображаю, какъ онъ мучится отъ ревности, и какъ на меня золъ; но я душевно его люблю, и прошу его чтобъ онъ ревновать-то ревновалъ, но все любилъ меня, чего даже смѣло надѣюсь и въ чемъ увѣренъ.»

2-е. 1827 года, Февраля 1-го, въ Римъ.

«За тридевятью морями, въ тридесятомъ царствѣ вспомните иногда любезная и почтенная В. А., неизмѣннаго своего Крылова. Я, кажется, слышу вашъ вопросъ. Да полно, стоитъ-ли онъ этого?... Конечно стою, да, стою. Возьмите безпристрасно и взвѣсьте все мое хорошое и худое. Кажется, вижу, что вы на одну сторону кладете лѣнь, мою безпечность, несдержаніе даннаго слова писать, и пр. и пр. Признаюсь, копна велика, и очень похожа на большой возъ сѣна, какіе я видалъ на Сѣнной площади. Но постойте, я кладу на другую сторону мою къ вамъ чистосердечную привязанность. Можетъ быть она не примѣтна; однако жъ посмотрите, какъ вѣсы потянули на мою сторону. Вы улыбаетесь и говорите: точно онъ меня любитъ; ну, Богъ его проститъ!

«Теперь вопросъ: прощу-ли я васъ, что вы такъ надолго насъ оставили, и что того хуже, не порадуете насъ доброю вѣстью о поправленіи вашего здоровья. Ѣздите по Италіи, ѣздите гдѣ хотите, только ради Бога выздоравливайте и возвращайтесь къ

---

* То есть супруга этой дамы.

намъ скорѣй веселыя, здоровыя и красивыя, какъ маковъ цвѣтъ. Смотрите, если долго промѣшкаете, — то я, право, того и гляжу, что уѣду далѣе чужихъ краевъ; а право я бы еще хотѣлъ на васъ взглянуть и полакомиться пріятными минутами вашей бесѣды, и видѣть своими глазами и слышать своими ушами: все-ли еще по прежнему любите вы добраго своего Крылова?— Что писать вамъ? У насъ старое по старому, а въ Петербургѣ у насъ все по-Петербургски. Сегодня мы празднуемъ рожденіе вашей сестрицы А. А. Вы ее не узнаете: она прелестна, мила и любезна, и естьлибъ постоянство не была моя добродѣтель особенная, то едвали бы я вамъ не измѣнилъ; но не бойтесь, обожатель въ 57* лѣтъ бываетъ очень постояненъ.

«Прощайте, любезная и почтенная В. А.; поклонитесь отъ меня по ласковѣе любезному Г. Н. и напомните ему обо мнѣ. А если хотите наградить меня за мое письмо, то включите и ко мнѣ хотя строчку. Я ваши милыя письма берегу какъ ладонку. Еще разъ простите.

«Вашъ преданный Иванъ Крыловъ.»

3-е. 1829 года, въ Москву.

«Здравствуйте, любезная и почтенная В. А. И такъ, по видимому, вы въ Россіи, въ Москвѣ, но все не въ Петербургѣ, и я лишенъ удовольствія васъ видѣть. Для чего нѣтъ у меня крыльевъ, чтобъ летѣть въ Москву! Какая бы я была хорошенькая птичка! Вы пишете къ своимъ, чтобъ я пріѣхалъ; благодарю васъ за милое желаніе, и естьлибъ это зависѣло отъ одного моего желанія, то, не сомнѣваюсь, я бы уже давно былъ въ Москвѣ: ma per arrivar bisogna camminar. Пословица не мудреная, а очень справедлива. Со всѣмъ тѣмъ естьлибъ я зналъ, что вы останетесь долѣе въ Москвѣ, то во чтобы то ни стало, а я передъ вами явился бы, какъ листъ передъ травой.

«Принимаясь за это письмо, я думалъ, что не кончу его на десяти страницахъ; но меня торопятъ. Надобно скорѣй его отвезти, и мысли мои (а ихъ тысяча) такъ толпятся, какъ въ праздникъ народъ, выходя изъ церкви; одна другую затѣсняетъ, одна другую останавливаетъ; а отъ этого ни одна вонъ не можетъ выдти. Нѣтъ, лучше поскорѣй кончу письмо, и по первой

---

* Слѣдовательно И. А. Крыловъ скончался 75 лѣтъ.

почтѣ à tête reposée буду я вамъ писать — ясно и порядочно; нѣтъ, чувствую, что кромѣ вздору ничего не напишу.

«По крайней мѣрѣ, чтобъ вы ни думали, что я совсѣмъ поглупѣлъ, посылаю къ вамъ трехъ молодыхъ своихъ дѣтокъ, примите ихъ поласковѣй, хотя изъ дружбы къ ихъ папенькѣ. Не шутя, прочтите мои басни, и скажите, (есть-ли лѣнь вамъ не помѣшаетъ ко мнѣ отписать), скажите чистосердечно: на много ли я поглупѣлъ, и какъ онѣ въ сравненіи съ прежними моими баснями? Ахъ, какъ я боюсь, чтобъ не сдѣлаться Архіепископомъ Гренадскимъ, и чтобъ мнѣ не сказали: point d'homelies, Monseigneur. Право, мнѣ кажется, я похожъ на стараго танцовщика, который, хотя отъ лѣтъ сутулится, а все еще становится въ третью позицію.

«Г. Н., мой поклонъ, поцѣлуйте его за меня. Я думаю, что эту просьбу вы легко исполните. Простите, будьте здоровы и не забывайте искренно любящаго васъ

Крылова.»

«Я не смѣю надѣяться; но если бъ вы написали ко мнѣ хоть строчку, хотя уже росписку въ полученіи басень, тѣмъ чрезвычайно меня обрадовали бы; я даже увѣренъ, что вы въ этомъ не сомнѣваетесь. — Но лѣнь!... ахъ! я это чувствую, и болѣе не смѣю сказать ни слова.»

Едва ли какой писатель при жизни своей имѣлъ столько пріятностей, какъ нашъ Крыловъ; едва ли чье либо самолюбіе было такъ лелѣяно даже до упоенія, какъ нашего баснописца; живой онъ уже наслаждался безсмертіемъ. Критика почти не прикасалась къ нему; первыя басни его даже и въ Москвѣ были приняты по достоинству; В. А. Жуковскій отозвался объ нихъ тогда въ журналѣ добросовѣстно и уважительно. Но если въ послѣдствіи Москва не вполнѣ дѣлила восторги Петербурга, вспомнимъ, что въ стѣнахъ ея жилъ заслуженый гражданинъ и знаменитый поэтъ, котораго вѣнокъ ей тяжело было уступить другому. За нѣкоторую ея холодность Крыловъ позволилъ себѣ мщеніе — такова была его натура — въ баснѣ «Прихожанинъ», которую онъ составилъ изъ анекдота о мужикѣ, мною ему случайно разсказаннаго.

Слава его такъ быстро возрастала, сатира его приняла такой грозный видъ, что наконецъ ни одинъ журналъ, ни одна дворняжка не дерзнула тявкнуть на него даже изъ подворотни; а еслибъ и нашлась такая, то услышала бы общій окрикъ:

Ай моська, знать она сильна,
Что лаетъ на слона.

И такъ рѣшительно критики онъ не зналъ; а славѣ, а привѣтствіямъ и похваламъ, хотя усерднымъ, но иногда смѣшнымъ и нелѣпымъ, не было конца. Что отцы и матери, встрѣчаясь съ нимъ, останавливались на улицахъ и показывали его своимъ дѣтямъ, что въ домахъ, гдѣ онъ бывалъ, подбѣгали къ нему милыя малютки и лепетали ему басеньки, иногда такъ мило, такъ наивно, что у него слезы брызгали изъ глазъ, это было обыкновенное дѣло; что на улицахъ иногда вовсе незнакомые ему снимали передъ нимъ шляпы, и это не рѣдкость. Бывали случаи, которые сильнѣе щекотали его самолюбіе, а онъ — кто безъ грѣха? — не чуждъ былъ этого.

Однажды въ биржевой лавкѣ кушалъ вмѣстѣ съ нимъ устрицы знакомый ему какой-то генералъ, украшенный тремя звѣздами, который забывши дома кошелекъ, сказалъ купцу: Мой другъ, ты знаешь меня? Нѣтъ, ваше превосходительство, не знаю. Такъ запиши же мое имя и квартиру и пришли ко мнѣ за деньгами. Иванъ Андреевичъ, по окончаніи завтрака, также сказалъ: Ну, мой милый, и со мной бѣда случилась, и я не взялъ съ собою денегъ. — Ничего, сударь, ничего, не извольте безпокоиться, мы подождемъ. — Да развѣ ты знаешь меня? — Да какъ не знать васъ, батюшка Иванъ Андреевичъ! васъ весь свѣтъ знаетъ. — Но я удержусь отъ подобныхъ разсказовъ, они были бы безконечны.

Преданный во глубинѣ души своей Государямъ, благоговѣйно, неколебимо, онъ высоко цѣнилъ ихъ милости, и не смотря на свое обыкновенное спокойствіе и какъ бы равнодушіе, съ восторгомъ и гордостію разсказывалъ: какъ Государь Императоръ на новый 1831 годъ подарилъ Его Высочеству Наслѣднику Престола бюстъ его и тѣмъ оказалъ ему безпримѣрное благоволеніе; какъ Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна милостиво принимала его о Святой недѣлѣ, присылала ему букеты цвѣтовъ, которые онъ берегъ какъ святыню, и которые пошли съ нимъ въ гробъ; какъ Великая Княгиня Марія Николаевна пожелала имѣть въ своемъ альбомѣ рисунокъ его кабинета.

Въ журналахъ, въ изданіи которыхъ Крыловъ участвовалъ въ своей молодости, помѣщалъ онъ критическіе разборы, или не подписывалъ ихъ, или ставилъ подъ ними одну букву *К*. Вотъ одинъ изъ разборовъ, за который можемъ ручаться, что

онъ написанъ Ивапомъ Андреевичемъ. Этотъ разборъ помѣщенъ былъ въ Драматическомъ Вѣстникѣ 1808 года.

Марѳа Посадница или покореніе Нова-Града, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, напечатана въ С. Петербургѣ 1807 года.

«Актеръ г. Шушеринъ (изъясняетъ авторъ въ своемъ пре-«дисловіи), убѣдившій меня на скоро написать сію драму, есть «виновникъ ея порожденія, а театръ, обраковавшій оную за «единое ея содержаніе, есть причиною появленія оной въ печа-«ти....» (И тамъ же въ концѣ): «Станокъ тиснулъ листы, мое «дѣло окончано, талантъ въ продажѣ за семь гривенъ и чита-«телямъ остается теперь судить, стоитъ ли чернилъ произве-«деніе...»

Воспользуемся позволеніемъ сочинителя.

«Во время правленія Марѳы Новымъ-Городомъ, Царь Мос-ковскій присылаетъ Холмскаго съ воинствомъ и требуетъ, что бы Новгородцы ему покорились. Они упорствуя, дѣлаютъ вы-лазку, проигрываютъ сраженіе и Холмскій входитъ побѣдите-лемъ въ городъ.» Вотъ содержаніе драмы. Я не говорю о пе-реписке Марѳы съ Казиміромъ, королемъ Польскимъ, и объ умыслѣ предать ему Новгородъ; ибо это въ теченіе дѣйствія не производитъ перемѣны, и даже, если бы совсѣмъ о томъ упомянуто не было, то бы главное происшествіе ничего не по-терпѣло, и участь Новгорода была бы та же.

Авторъ, желая украсить свое содержаніе, выводитъ Михаила и Димитрія, двухъ витязей Новгородскихъ; они оба ненави-дятъ Марѳу за ея властолюбіе, и послѣдній сверхъ того влюб-ленъ въ дочь ея Ксенію. Сія ненависть и любовь обѣщали бы по видимому много театральныхъ происшествій; но сіи витязи столь умѣренны въ своихъ страстяхъ, что въ продолженіе всего представленія остаются безъ всякаго съ своей стороны дѣйст-вія; а особливо удивительно терпѣніе Димитрія, при которомъ даже выдаютъ его любовницу за Мирослава и онъ уже прину-жденъ отговориться нечаяннымъ недугомъ и разслабленіемъ, чтобы не быть у жениха отцемъ посаженнымъ. Рѣдкій при-мѣръ скромности въ дурномъ человѣкѣ, каковъ Димитрій, что онъ не открывается въ своей любви ни матери, ни дочери, и даже соперникъ его не догадался о сей страсти. Правда, что и Мирославъ въ скромности не уступаетъ: отъ него ни слова не было слышно о Ксеніи; и хотя Марѳа въ концѣ перваго дѣй-ствія говоритъ, что она, передъ отшествіемъ его на сраженіе, вручитъ милый ему даръ; но изъ молчанія сего любовника мо-жно заключить, что онъ ни мало не догадывается, о чемъ она говоритъ. Марѳа однако же, не огорчаясь симъ молчаніемъ,

во второмъ дѣйствіи, передъ тѣмъ какъ войску идти на брань, ведетъ Мирослава къ вѣнцу съ своею дочерью.

Скроменъ Димитрій, скроменъ Мирославъ; но едва ли не обоихъ скромнѣе Ксенія! — Въ явленіи, когда Марѳа намѣрена вручить ее Мирославу и, напередъ испытывая сердце дочери, предлагаетъ ей на выборъ изъ двухъ женіховъ или Димитрія или Мирослава — Ксенія молчитъ. Марѳа вручаетъ ее Мирославу: Ксенію уводятъ въ церковь вѣнчать: а она и уходя все таки молчитъ.

Вотъ характеры Михаила, Димитрія и Ксеніи. Что касается до Марѳы, то во всѣхъ чувствахъ авторъ выводитъ ее героинею. Она поручаетъ въ сраженіи двухъ сыновей своихъ Михаилу, своему непріятелю, изъ уваженія къ его добродѣтели; выдаетъ дочь за безроднаго Мирослава для того только, что онъ исполненъ достоинствъ; поручаетъ въ правленіе посаднику Молинскому попеченіе о внутренней тишинѣ Новагорода во время битвы; словомъ, вездѣ оказываетъ благородныя и высокія чувства, которыя однако же нѣсколько противорѣчатъ тому, что она въ заговорѣ съ Казимиромъ, чтобы предать ему своихъ согражданъ Новгородцевъ изъ единаго властолюбія; а такое противорѣчіе въ характерѣ заставляетъ читателя любопытствовать, любовь или ненависть хотѣли возбудить въ немъ къ Марѳѣ?

Въ третьемъ дѣйствіи, по сравненію съ двумя первыми, примѣтно болѣе огня и движенія. Ксенія сокрушается о супругѣ, находящемся въ сраженіи; постепенно открывается, что войска Новгородскія побѣждены и разсѣяны — и наконецъ они совершенно разбиты. Холмскій входитъ въ торжествѣ, покоря Новгородъ. Марѳа заколается; убитыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ четыре: два сына Марѳы, Мирославъ и Димитрій; тяжело раненъ одинъ Михаилъ, да безъ вѣсти пропалъ посадникъ Дѣлинскій; ибо въ третьемъ дѣйствіи его нѣтъ, и авторъ не говоритъ, что съ нимъ сдѣлалось. Столь чрезвычайная потеря дѣйствующихъ лицъ приводитъ автора къ необходимости, оставить на сценѣ Холмскаго одного, который кончитъ драму.—*К.*

Къ довершенію всѣхъ благъ и радостей, обильно собранныхъ на землѣ нашимъ баснописцемъ, по единодушному согласію всѣхъ Русскихъ литераторовъ, положено было торжествовать пятидесятилѣтіе литературной жизни Ивана Андреевича Крылова. Мысль эта быстро пролетѣла по всему русскому литературному міру, всѣ приняли ее съ жаркимъ чувствомъ патріотизма, и она мгновенно осуществилась. Получено соизволеніе Вѣнценоснаго Покровителя отечественныхъ дарованій, особен-

но благоволившаго къ Крылову, собрано значительное число денегъ, достаточное на всѣ издержки, написаны привѣтствія и устроено пиршество. Эта почесть, воздаваемая въ Европѣ знаменитымъ талантамъ, въ Россіи оказана была впервые—Крылову.

Въ назначенный день — это было 2-го Февраля 1838 года — нашъ семидесяти-лѣтній поэтъ, въ сопровожденіи двухъ депутатовъ, пригласившихъ его на празднество, явился въ залу Дворянскаго собранія, бывшую тогда въ домѣ г-жи Энгельгардъ, на Невскомъ проспектѣ. Тамъ ожидали его литераторы и почитатели его таланта, числомъ до трехъ сотъ человѣкъ. Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ прочиталъ лестный рескриптъ Его Императорскаго Величества и возложилъ на Крылова звѣзду Ордена Св. Станислава второй степени. Среди радостныхъ объятій и привѣтствій, при звукахъ окрестра, сѣли за столъ. Угощеніе началось *Демьяновою ухою* и *Крыловскою кулебякою*. Такъ было сказано въ литографированномъ, украшенномъ рисунками, реэстрѣ обѣда, положенномъ передъ каждымъ гостемъ.

Крыловъ сидѣлъ между Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Президентомъ Академіи Художествъ Алексѣемъ Николаевичемъ Олениннымъ, Членомъ Государственнаго Совѣта. Министры, Члены Государственнаго Совѣта и другіе высшіе сановники сидѣли далѣе по правую, и по лѣвую сторону. Противъ Крылова на возвышеніи, среди зелени, стоялъ бюстъ его, а ниже на столѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ, лежали всѣ его сочиненія, роскошно переплетенныя и обвитыя цвѣтами и лаврами.

Главный распорядитель торжества А. Н. Оленинъ предложилъ первый тостъ за здравіе Государя Императора. Второй тостъ предложенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія за здравіе великаго народнаго поэта. Тогда среди радостныхъ восклицаній раздался голосъ пѣвца: Петровъ, русскій Тамбурини, превосходно пропѣлъ куплеты Князя Петра Андреевича Вяземскаго, для которыхъ сочинилъ музыку Графъ Віельгорскій. Каждый припѣвъ сопровождался жаркими рукоплесканіями всего собранія. Вотъ эти стихи:

На радость полу-вѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ Музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ всѣ мы сватья

И некчему таить вину,
Всѣ за-одно, всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену.
Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!
И этотъ бракъ былъ не безплодный,
Самъ Ѳебъ его благословилъ!
Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата,
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца.
И дѣти — славные ребята!
И дѣти всѣ умны — въ отца.
Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!
Мудрецъ игрывый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И *дочкамъ* онъ давалъ *уроки*,
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ подъ пера:
Тамъ *Петръ киваетъ на Ивана*,
Иванъ киваетъ на Петра.
Длись счастливою судьбою,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!
Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орѳея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.
Длись судьбами всеблагими,
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!
Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль:
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта — наша быль.

И не забудутъ этой были
Пока по русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.
Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!
Чего ему намъ пожелать бы?
Чтобы отъ свадьбы *золотой*
Онъ дожилъ до *алмазной* свадьбы
Съ своей столѣтнею женой.
Онъ такъ безпечно, такъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.
Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Знаменитый поэтъ Василій Андреевичъ Жуковскій предложилъ третій тостъ: *за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи Русской словесности*, и произнесенную имъ рѣчь окончилъ слѣдующими словами: «Да исполнитъ Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостью и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь спокойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ силы и свѣжести: ибо они обратились въ народныя пословицы, а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ.»

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Дмитрій Николаевичъ Блудовъ,* прочиталъ сочиненные, на настоящій случай, стихи нашего даровитаго поэта, В. Бенедиктова.

Въ заключеніе Князь Одоевскій провозгласилъ тостъ *за здравіе присутствующихъ*, и благодарственную рѣчь Крылову отъ имени поколѣнія, которое училось чтенію по его баснямъ.

---

* Нынѣ Графъ и Предсѣдатель Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта.

Дамы, присутствовавшія на хорахъ, подошли къ перпламъ съ рюмками шампанскаго, и когда Крыловъ всталъ изъ-за стола и подошелъ къ хорамъ, чтобы благодарить ихъ, онѣ осыпали его цвѣтами, и бросили ему сплетенный ими лавровый вѣнокъ. Окруженный пирующими, на его праздникѣ вельможами, друзьями и всѣми русскими литераторами, которые только были тогда въ Петербургѣ, за исключеніемъ только тѣхъ, которымъ болѣзнь помѣшала участвовать въ торжествѣ: честимый, привѣтствуемый, оглушаемый радостными рукоплесканіями, нашъ бѣловласый старецъ почувствовалъ въ эти минуты сладкое и полное упоеніе славы, и по лицу его по временамъ катились слезы. Трогательно было смотрѣть на него, когда онъ, по окончаніи обѣда, въ другой залѣ сидѣлъ за маленькимъ столомъ и въ одной рукѣ держалъ свою любимицу—сигару, а другою рукою скромно накрылъ лежащій на столикѣ свой лавровый вѣнокъ. Молодые литераторы окружали сѣдаго, маститаго, увѣнчаннаго славою писателя, и начали просить, чтобы онъ каждому изъ нихъ далъ на память по листочку изъ его лавроваго вѣнка. Крыловъ, съ радушною улыбкою, началъ обрывать свой вѣнокъ и раздавать листки просителямъ. Это торжество озарило послѣдніе его годы радужными цвѣтами, и съ этого дня, обреченный безсмертію, онъ не написалъ ни слова, какъ бы страшась чѣмъ нибудь омрачить столь свѣтлую свою славу.

На медали, выбитой въ честь виновнику этого торжества, написано:

2 Февраля 1838 года. И. А. Крылову въ воспоминаніе пятидесятилѣтія литературныхъ его трудовъ, отъ любителей русской словесности.

На другой сторонѣ медали, изображенъ профиль Крылова.

Оставивъ вмѣстѣ съ службою домъ Императорской публичной библіотеки, Крыловъ жилъ въ послѣдніе годы на Васильевскомъ островѣ, въ первой линіи, противъ Кадетскаго корпуса.— Лучшіе друзья его были въ могилѣ; лѣта, а особливо тучность, отяготила его; сердце осиротѣло, онъ грустилъ. — Посѣщаемый литераторами, онъ былъ разговорчивъ, ласковъ и всегда пріятенъ. Сидя въ креслахъ, онъ по временамъ читалъ журналы и новости нашей литературы, а болѣе всего продолжалъ истреблять во множествѣ сигары, добывая огонь изъ вазы, наполненной химическимъ составомъ, который онъ самъ возобновлялъ по мѣрѣ надобности. Въ послѣднее время занимала его покупка и передѣлка каменнаго дома, на Петербурской сторонѣ, близь Тучкова моста. Изъ этого дома видъ обширный и прекрасный. Онъ разсказывалъ мнѣ, что прямо изъ кабинета его

будетъ балконъ и крыльцо, ведущее въ садъ, и просилъ мимоходомъ заглянуть въ его будущее роскошное новоселье. Я это сдѣлалъ и сбирался къ нему съ отвѣтомъ, тѣмъ болѣе что въ лицѣ его, при послѣднемъ свиданіи, я нашелъ какое-то измѣненіе; но внезапно получилъ приглашеніе проводить его въ вѣчное жилище.

Онъ умеръ въ осьмомъ часу утра, 9 ноября 1844 года, отъ несваренія пищи въ желудкѣ. За нѣсколько часовъ до кончины, онъ сравнилъ себя съ крестьяниномъ, который, наваливъ на возъ непомѣрно-большую поклажу рыбы, никакъ не думалъ излишне обременить свою слабую лошадь, только потому, что рыба была сушеная. Крыловъ въ обыкновенномъ, ежедневномъ разговорѣ, увлекаемый своимъ талантомъ, безпрерывно говорилъ экспромтомъ сравненія, которыя могли бы послужить матеріяломъ для превосходныхъ басень. За нѣсколько часовъ до кончины, онъ велѣлъ перенести себя въ кресла, сказалъ: «тяжко мнѣ!» и потребовалъ, чтобы снова положили его въ постель. Вспомнивъ, что напечатано имъ новое изданіе его басень, еще не выпущенное въ свѣтъ, онъ поручилъ окружавшимъ его разослать по экземпляру всѣмъ помнящимъ о немъ. Не я одинъ, а конечно многіе заплакали, получивъ приглашеніе на похороны Крылова и вмѣстѣ съ тѣмъ экземпляръ изданныхъ имъ самимъ басень, на заглавномъ листѣ которыхъ, очерченномъ траурною каймою, было напечатано: «Приношеніе, на память объ Иванѣ Андреевичѣ, по его желанію.» Крыловъ не имѣлъ, какъ мы сказали, близкихъ родственниковъ, и въ послѣднія его минуты заботился о немъ, а послѣ его кончины, распоряжалъ похоронами его, генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, начальникъ штаба Военно-учебныхъ заведеній и главный начальникъ типографіи этого штаба, въ которой Крыловъ печаталъ послѣднее изданіе своихъ безсмертныхъ басень.

Съ истиннымъ, христіанскимъ чувствомъ пріобщился онъ Святыхъ Таинъ, произнесъ слабымъ голосомъ: «Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои!» и глубоко вздохнулъ. Вздохъ этотъ былъ послѣднимъ вздохомъ незабвеннаго Крылова.

Щедрый, милостивый покровитель всѣхъ отечественныхъ талантовъ, Государь Императоръ, повелѣлъ выдать изъ Государственнаго казначейства всю сумму, исчисленную на похороны Крылова: 9611 рублей ассигнаціями.

Въ день похоронъ Ивана Андреевича, 13 ноября, обширная, адмиралтейская церковь Святаго Исаакія, не могла вмѣстить

всѣхъ желавшихъ отдать послѣдній, христіанскій долгъ умершему. Первые государственные сановники, военные и гражданскіе, почтили своимъ присутствіемъ память Крылова. Въ числѣ лицъ, которыя вынесли гробъ изъ церкви, были генералъ-адъютантъ, Шефъ жандармовъ, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, и генералъ отъ инфантеріи Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Потянулась похоронная процессія съ Адмиралтейской площади къ Александровской Лаврѣ. Народъ во множествѣ слѣдовалъ за нею. Во время отпѣванія, совершеннаго высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Антоніемъ, на головѣ Крылова лежалъ тотъ самый лавровый вѣнокъ, которымъ почтили его въ день пятидесятилѣтняго его юбилея. На сердцѣ его лежали цвѣты, подаренные ему Государынею Императрицою Александрою Ѳеодоровною, о которыхъ мы выше говорили. Министръ Народнаго Просвѣщенія положилъ въ гробъ Крылова медаль, которая была вычеканена въ воспоминаніе его пятидесятилѣтняго юбилея, и незабвеннаго писателя положили въ землю рядомъ съ другомъ его, Н. И. Гнѣдичемъ, переводчикомъ Иліады. По представленію г. Министра Народнаго Просвѣщенія и по Высочайшему соизволенію Государя Императора, открыта во всей Россіи подписка на сооруженіе памятника Крылову. Собрана уже большая сумма, которая не только будетъ достаточна на сооруженіе памятника, но еще на какое-нибудь доброе дѣло, въ память объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

На страницахъ.	*Напечатано:*	*Вмѣсто:*
49.	Ѳедръ	Федръ
56.	Изданія басень.	Изданія басенъ
63.	борисовывается	обрисовывается,
79.	окреста.	оркестра,
80.	Самъ Ѳебъ	Самъ Фебъ
—	нашего Орѳея	нашего Орфея
83.	басень	басенъ.
—	басень	басенъ

2007084509